

В. Л. Дуров

«Научная дрессировка промыслово-охотничьих собак»

От издательства

Книга В.Л. Дурова впервые вышла в свет в 1933 году. В то время в СССР промысловой охоте уделялось много внимания как одной из важнейших отраслей хозяйства, поставляющей населению мясо, шкуры и меха.

Нынче, конечно, промысловая добыча диких животных и птиц утрачивает свое значение, но все большее развитие получает любительская охота. А правильная любительская охота – это, прежде всего, охота с хорошо натасканными собаками. Она требует научного освещения дрессировки охотничье-промысловых собак. Вот что писало в своем предисловии к первому изданию Всесоюзное кооперативное объединенное издательство, выпустившее эту книгу:

« ...В. Л. Дуров не случайно взял на себя инициативу передать охотничьим массам свой более чем полустолетний опыт практической дрессировки животных и свои теоретические исследования вопросов зоопсихологии. Работы в этой области В. Л. Дурова – выдающегося ученого-«самоучки» нашей страны – имеют признанное научное значение.

Книга В. Л. Дурова «Научная дрессировка промыслово-охотничьих собак», будучи по своему содержанию шире, нежели ее название, охватывает три важнейших вопроса.

Во-первых, в ней дается обоснование зоорефлектологии и зоопсихологии.

Во-вторых, в ней указываются практические пути научной дрессировки охотничье-промысловых собак.

В-третьих, В. Л. Дуров, исходя из своих научных и практических исследований, ... ставит перед охотничьей общественностью задачу использования для охоты всех видов собак, а также и задачу выработки новых пород...

В. Л. Дуров, как он сам отмечает в своей книге, не претендует на раскрытие в данный период всех вопросов зоорефлектологии и зоопсихологии. В этой области ведутся исследования по многим направлениям научными институтами ..., в том числе известным институтом академика И. П. Павлова, и всякие новые открытия на этом пути, безусловно, будут подвергаться проверке предшествующие выводы».

Необходимо заметить, что призыв автора большее внимание уделять результативности собаки на охоте, нежели эстетике ее работы, не увлекаться кровным собаководством, использовать в качестве охотничьих – беспородных собак, был в духе того времени, в духе тех задач, которые ставило перед охотничьей общественностью руководство страны, остро

ощущающей нехватку продуктов питания.

Это, конечно же, ошибка, спровоцированная, прежде всего, отношением власти имущих к охоте в те годы, их стремлением утвердить «социалистическую» охоту как одну из отраслей народного хозяйства.

Современному охотнику красота стойки пойнтера, звонкий голос его гончей, стремительный бег борзой гораздо важнее взятой дичи. Охота в наши дни не может и не должна быть инструментом добычи мяса или шкур – ее суть совершенно в другом.

От автора

Должен своей работе предпослать несколько слов.

Я вполне уверен в том, что искушённый читатель найдет в этой книге много недосказанного или изложенного с недостаточной полнотой. Скажу в свое оправдание, что писать мне приходилось в обстановке напряженной общественной, научной и цирковой работы, которая отнимает почти весь, увы, такой короткий трудовой день.

Кроме этого, я был связан очень коротким сроком и ограниченным количеством печатных листов. Не было возможности как следует развернуть некоторые положения, использовать весь имеющийся у меня экспериментаторский материал. Но я не оставляю надежды сделать это в будущем, так как тема о приспособлении домашних и диких животных к нуждам нашего великого строительства – моя старая, любимая, что называется, выношенная тема. И я к ней надеюсь вернуться еще не один раз.

В заключение считаю своим долгом принести благодарность Ученому совету при Зоопсихологической лаборатории Главнауки Наркомпроса РСФСР в лице академика А. В. Леонтовича, профессора Г. А. Кожевникова, профессора В. В. Бунака, инженера Б. Кажинского, В. Л. Блюменау и ученого секретаря И. А. Лев за то, что они согласились прочесть мою рукопись и внести в нее некоторые исправления научного характера, а также полагаю необходимым указать на то, что книга моя составлялась при непосредственном участии писателя Ник. Вержбицкого, который много помог мне, при моей загруженности, в смысле подбора материалов и литературного оформления.

Дрессировка охотничьей собаки – на новую дорогу

Весьма активным спутником охотника является собака, которая с древнейших времен была приспособлена человеком для служебной роли при отыскании зверя чутьем и для преследования его, а также как сторож.

Промысловый охотник-одиночка, предоставленный самому себе, пользуется устарелыми орудиями охоты, сам для себя копит опыт, а, имея около себя такого незаменимого и ценного помощника, как собака, не имеет возможности использовать ее драгоценные качества в полной мере.

Борясь за овладение техникой охотничьего дела, пора и к охотничьей собаке подойти серьезнее, пользуясь последними достижениями науки, изучить все свойства этого животного с тем, чтобы скорее сделать его еще более полезным, еще более приспособленным к многочисленным и разнообразным нуждам промысловой охоты.

Разве не способно внушить тревогу такое, например, признание, которое мы читаем в № 12 (41) журнала «Собаководство» (1931 г.), автором которого является знаток охотничьего дела А. Кульбин:

«Многие ли из наших собак прошли и проходят курс полевой дрессировки и натаски в таком объеме, чтобы владельцы собак спокойно ставили их на испытательную станцию, будучи уверенными, что они сумеют проявить все заложенные в них качества? Мы не ошибемся, если скажем, что в лучшем случае лишь 50% владельцев собак сможет и сумеет дать своему питомцу домашнюю дрессировку (общее послушание), остальные 50% не смогут этого сделать частью за недостатком времени, частью по неопытности. Дать же собаке полевую дрессировку, а тем более полевую натаску и тренировку сможет не более 20–25% владельцев собак. В больших городах вокруг охотников появляются лица, выполняющие за них эту задачу, и таким образом создан у нас целый кадр натасчиков и их учеников... Но во многих товариществах, где мы имеем рассадники кровных собак, вовсе не имеется грамотных натасчиков, а в лучшем случае есть кустари, коверкающие кровный молодняк в стремлении сделать из них «ковырялок»... Результаты мы пожинаем каждую осень, когда из 130–150 отданных в натаску собак правильно натасканных мы получаем 20, много 30 собак, остальные же возвращаются полными неучами».

Мои многочисленные наблюдения над животными вообще и над собаками в частности в течение более полувека дают мне некоторое основание критически отнестись к тем методам дрессировки охотничьих собак, которые преподаются в выпускаемых до последнего времени книгах, тем более, что эти методы не вяжутся с теми достижениями науки в этой области, которыми мы имеем возможность пользоваться сейчас.

Я говорю об открытиях, сделанных за последнее десятилетие в области изучения пси-

хологии животного и человека. Точнее, я намерен остановить внимание читателя на той интереснейшей области, которая касается изучения психофизиологических процессов, известных в науке под названием рефлексов.

Приступая к изложению, я должен предупредить читателей о том, что я не собираюсь писать обстоятельное практическое руководство по дрессировке охотничьих собак. Это – специальная задача, которой я собираюсь заняться отдельно.

В настоящей книге я намерен изложить свои взгляды на это дело, опираясь на собственные многочисленные наблюдения и опыты, подвергнутые научному анализу.

Повторяю: наша цель должна сводиться к тому, чтобы путем всестороннего изучения психики собаки добиться наилучшего использования ее природных способностей для нужд охоты.

Этого мы достигнем только в том случае, если отрешимся от целого ряда предрассудков, связанных или с невежеством или с барско-феодалным отношением к охоте.

Собака как важнейшая производственная сила на охоте ждет коренной перемены в подходе к ней, и, если это будет достигнуто, трудно даже представить себе, в какой огромной степени увеличится продуктивность ее работы.

Однако пусть не подумает читатель, что я намерен опорочить и начисто отвергнуть весь тот огромный практический опыт, который по крохам собирали и копили промысловые охотники всех широт и долгот в течение многих столетий. Имеющийся проверенный опыт в деле приспособления собаки к нуждам охоты, значительная сумма наблюдений, достижений и усвоенных приемов представляют колоссальную ценность и заслуживают самого внимательного изучения.

Но нужно помнить о том, что этот накопленный опыт и твердо укоренившиеся приемы дрессировки охотничьих собак до сих пор были основаны на одних внешних впечатлениях и не являлись результатом осознанного метода у большинства охотников, берущих чутьем и догадкой там, где мы сейчас имеем возможность распоряжаться во всеоружии науки.

Чтобы от запасов этого практического опыта отсеять все ненужное, вредное и предрассудочное, необходимо тщательно пересмотреть его, подвергнуть всесторонней критике, а под то полезное, что останется, подвести научную основу.

Только таким способом мы сможем общими усилиями вместо шатких и случайных методов, годных в одном случае и вредных в другом, создать, единую прочную систему дрессировки охотничьей собаки, выработать единые методы, основанные не на случайных наблюдениях и догадках, а на получившей уже всеобщее признание научной теории.

Что такое зоорефлексология

Если вы хотите на практике познакомиться с принципами зоорефлексологии, этой мо-

лодой, но открывающей громадные перспективы науки, не упустите случая посетить в Москве мой уголок, «Уголок В. Л. Дурова», «Фабрику рефлексов», практическую лабораторию по зоопсихологии...

Практическая лаборатория до зоопсихологии (ул. Дурова, бывш. Божедомка, 4) возникла в «Уголке Дурова» в 1919 г., когда Наркомпрос согласился о предложении помочь научному оформлению давно и широко известных моих достижений в области дрессировки животных самых разнообразных видов.

Надо сказать, что еще в молодости на меня очень сильное впечатление произвели лекции профессора Сеченова, трактующие о рефлексах головного мозга. Они дали возможность мне, молодому дрессировщику, опереться в своей работе на научную теорию и вооружили меня чрезвычайно сильно как профессионала-артиста. Уже тогда, пользуясь на практике методом установления эмоциональных рефлексов у животных, я оказался сильнее, разнообразнее и гибче, чем все мои конкуренты по цирковой арене. Чтобы сохранить за собой это преимущество, я должен был хранить в тайне все мои достижения по части дрессировки. Это – вполне понятно (такова природа капиталистической системы, в том числе и тогдашнего театрально-зрелищного дела), но вместе с тем это далеко не способствовало популяризации моих идей и приемов работы.

С тех пор Павловым и Бехтеревым, особенно первым, дело Сеченова, как известно, весьма расширено и лабораторно проработано.

После Октябрьской революции я начал открыто выступать перед цирковой аудиторией с моими популярными лекциями по зоопсихологии, в которых объяснял свои методы дрессировки и пропагандировал мысль о широчайшем применении их для многочисленных нужд нашего советского государства (дрессировка животных для промысловой охоты, для спасения утопающих, для отыскания людей, находящихся в бесчувственном состоянии и т. п.).

Жизнь показала, что в вопросах зоопсихологии, особенно в области дрессировки животных, не последнюю роль удалось сыграть не ученому, а самоучке, цирковому артисту, практику-рефлексологу.

Говорю это исключительно для того, чтобы показать массе охотников и дрессировщиков, что, приступая к изучению научной дрессировки охотничьих собак на основе рефлексологии, не следует бояться новизны этого дела, его «мудрености» и сложности приемов. Спокойная систематическая работа, терпение, связанное с наблюдательностью, умение подмечать характерные повадки, характер и настроение собаки как объекта изучения и воздействия, точное следование установленным принципам рефлексологии, – вот что прежде всего требуется от нового дрессировщика. А результаты будут таковы, что сразу же вольют в вас бодрость и желание идти все дальше и дальше.

Итак, для того, чтобы сделаться хорошим дрессировщиком, необходимо ясно и прочно усвоить основные понятия зоорефлексологии.

Вас неожиданно укололи иголкой в руку. Вы отдернули ее. Что тут произошло?

Укол, это – раздражитель. Отдергивание руки есть отражение укола или, по-научному, рефлекс. («Рефлекс» – по-русски: отражение).

Свет, ветер, дождь, пыль и прочее заставляют вас зажмуривать глаза. Это тоже рефлекс, защитный: опуская веки, вы предохраняете нежную поверхность глаза или сетчатку от неприятного раздражения.

Современные ученые пришли к выводу, что физиологический механизм действий и поступков человека и животного сводится к ряду отражений или рефлексов на внешние и внутренние раздражения. Рефлекс это есть основное нервное действие, а сумма таких действий и составляет все отношение животного или человека к окружающей действительности, которое мы наблюдаем за наших животных.

Какова же внутренняя механика этих рефлексов?

Можно проделать такой опыт. На ноге у человека в сухожилиях коленной чашки находятся концы нервов, соединенных со спинным мозгом. Если по этому месту, т. е. по нервам, слегка ударить молоточком, раздражение тотчас передастся по нервным волокнам в спинной

мозг. Отсюда раздражение сообщится другому нерву, который доведет его обратно, до мышцы, разгибающей колено. В результате вся нога судорожно выпрямится, произойдет рефлекторное сокращение мышцы, разгибающей колено.

Таков в общих чертах нервный механизм рефлексов.

Вот еще один пример простого или безусловного рефлекса.

Вы взяли в рот кусочек сухого хлеба. Его трудно жевать и проглатывать. Тогда язык через нервные проводники передает в головной мозг раздражение от находящейся во рту пищи. Оттуда дается нервный сигнал слюнным железам, находящимся в полости рта. Железы начинают выделять необходимую для прожевывания слюну.

Надо сказать, что такие простые безусловные рефлексы заложены в физиологической структуре животного и человека с самого рождения, получены им по «наследству».

Только что появившийся на свет щенок, испытывая ощущение голода, начинает ныть и разыскивать сосок матери. В момент, когда он добирается до соска, осязательные нервы на слизистой оболочке его губ передают раздражение в мозг. Врожденный рефлекс сосания тотчас же передает отражение мышцам губ, рта и языка, и щенок начинает тянуть молоко.

Простые безусловные рефлексы однообразны. Другими словами, одинаковые раздражители всегда вызывают одни и те же отражения и действия.

И, наконец, мы видим, что простые безусловные рефлексы автоматичны, то есть происходят «сами собой», независимо от желания или нежелания животного.

Если к зрачку собаки поднести близко лампу, зрачок сейчас же сузится. Уберете лампу в сторону, и зрачок снова расширится. Это тоже безусловный рефлекс, и происходит он совершенно самостоятельно, помимо воли животного.

Животное, лишенное безусловных рефлексов, не может существовать, потому что именно они дают ему возможность приспособляться к окружающей обстановке – ходить, прыгать, хватать пищу, проглатывать ее, убежать от опасности, защищаться от нападения, совершать половой акт и т. д.

Кроме простых безусловных рефлексов, существуют сложные безусловные рефлексy, отличающиеся от простых безусловных рефлексов тем, что они возникают не под влиянием внешних раздражителей, а под влиянием внутренних импульсов – голода, жажды, полового раздражения, заботы о потомстве – и представляют собой длинную цепь постепенных и последовательных сложных действий, врожденных, не требующих обучения. Это то, что обычно называется «инстинктом».

Есть сложные безусловные рефлексy питания, размножения, защитные, социальные и другие, которые дают возможность животным бессознательно приспособляться к окружающей среде и организовать ее для своих нужд. Все они явились в результате накоплений опыта в течение многих тысячелетий путем наслаивания и сцепления простейших безусловных рефлексов.

Какой же аппарат в организме животного осуществляет сложные безусловные рефлексy?

Наш ученый из школы академика И. П. Павлова профессор Зеленый удалял у собаки полушария головного мозга. После этого собака продолжала выполнять все действия, которые мы рассматриваем как сложные безусловные рефлексy: она продолжала двигаться, проглатывать пищу, выделять слюну перед едой, совершать половой акт и пр.

О чем это говорит? Это убеждает нас в том, что материальная основа всех бесчисленных сложных безусловных рефлексов находится не в больших полушариях, так называемом переднем мозгу, а в среднем и заднем мозгу, который, в процессе общего биологического движения от низших к высшим животным, является промежуточной ступенью. Только у человека большие полушария головного мозга как средоточие высшей психической деятельности достигают своего наивысшего развития.

Другими словами, мы приходим к выводу, что сложные безусловные рефлексy (или инстинкты) являются относительно простейшими функциями животного, направленными

главным образом к приспособлению к окружающей среде и к поддержанию существования и рода.

Чем больше животное приближается по своему развитию к человеку, тем большее значение приобретает у него передний мозг.

У рыбы передний мозг заметен лишь как незначительный придаток к прочим отделам мозга. У быка он равен по весу $1/750$ всего веса тела, у собаки $1/24$, у обезьяны $1/48$ и человека $1/46$.

Кора мозга, образующая окрашенную в серый цвет поверхность мозга состоит из нервных клеток и является началом центра всей нервной системы. Роль ее сводится не только и восприятию, но и к анализу впечатлений и раздражений. Эти части мозга вместе с мозговыми концами зрительного, слухового, вкусового и других нервов, расположенные в коре полушарий большого головного мозга, называются «анализаторами» (термин академика Павлова) и представляют собой нервные клетки очень сложного строения. Концы анализаторов в мозгу, обслуживающие отдельные «органы чувств» (рецепторы), занимают особые участки коры мозга.

В отличие от среднего, заднего и спинного мозга, передний мозг является нервным механизмом, выполняющим действия, уже не присущие животному от рождения, а являющиеся в результате благоприобретенных навыков, т. е. тоже рефлексов, но уже особых, названных Павловым условными.

На них мы и остановимся сейчас.

У высших животных и человека безусловные рефлекс играют с точки зрения задачи этой книги второстепенную роль, а на первом месте стоят надстроенные над ними рефлекс условные, осуществляемые головным мозгом, являющимся как бы аппаратом, анализирующим внешний мир и принимающим сигналы о всех воздействиях внешнего мира.

Советским ученым академиком И. П. Павловым и его исследователями произведены многочисленные опыты, направленные к изучению этой категории рефлекс. Они не являются у животного врожденными, а появляются у него в результате опыта, привычки, дрессировки.

Вот как ученый Павлов изучал условные рефлекс на собаках.

Мы уже говорили о том, что раздражение слизистой оболочки рта во время прожевывания пищи передается по нервам в головной мозг и оттуда по другим нервным путям к железам, выделяющим слюну. Все это есть врожденный безусловный рефлекс.

Однако опыты Павлова показали, что железы могут выделять слюну и без того, чтобы во рту у животного находилась пища. Собаке давали только понюхать кусочек мяса, и у нее уже начиналось слюноотделение (безусловный (рефлекс)). Этот же процесс происходил потом при одном только приближении к собаке служителя, обычно дающего ей пищу.

Затем удалось добиться того, чтобы у собака выделялась слюна под воздействием самых разнообразных раздражителей, действующих на зрение, слух, осязание, обоняние.

Например, давали собаке пищу и в это же время зажигали электрическую лампочку или ударяли в колокольчик определенного тона.

После нескольких таких приемов у собаки начинала выделяться слюна уже без пищи, а при одном только зрительном раздражении от света, или слуховом – от звона колокольчика. Все это – уже условные рефлекс.

Здесь, в механизме нервной деятельности собаки происходил весьма сложный и чрезвычайно важный процесс.

Сперва собака воспринимала свет лампочки почти одновременно с прожевыванием пищи. Нервные окончания слизистой оболочки рта раздражались одновременно о зрительными нервами.

Оба эти раздражения как условный рефлекс передавались в головной мозг, а оттуда сигнализировали железе о необходимости выделять слюну.

После того, как это условное соединение двух раздражителей повторилось несколько раз, связь между ними закрепилась, и в результате стал действовать на слюнную железу один

только световой раздражитель.

Получился условный рефлекс.

При дальнейших опытах удалось на любом врожденном безусловном рефлексе строить большое количество самых разнообразных и сложных условных рефлексов.

Интересный пример возникновения условного рефлекса у человека приводит ученик академика В. М. Бехтерева профессор А. И. Ющенко.

Одной женщине раздражали электрической искрой подошву ноги. Нога вздрагивала и одновременно с этим перед глазами женщины вспыхивала электрическая искра. В дальнейшем женщине пришлось поселиться в комнате окнами на улицу, по которой ходили трамваи. И каждый раз, когда она видела над трамвайной дугой вспыхивающую искру, у нее вздрагивала нога.

Дальнейшее изучение нашими учеными вопроса о природе условных рефлексов показало, что эти рефлексы возникают не только на почве врожденных безусловных рефлексов, но также и вслед за однородными им условными рефлексами.

Например, у собаки вызывали слюнотечение зажиганием лампочки. Потом одновременно со световым раздражителем ударяли по какому-нибудь определенному клавишу рояля. Через некоторое время собака начала выделять слюну уже при одном только звуке рояля, но именно при той ноте, к которой ее приучили.

Это называется условным рефлексом второго порядка. Может быть рефлекс третьего, четвертого порядка и т. д.

Итак, в результате научной работы академика Павлова и академика Бехтерева мы теперь знаем, что поведение человека и животного обуславливается возникновением условных рефлексов, отвечающих на всевозможные раздражители и изменения условий окружающей нас действительности.

Ко всему этому следует добавить, что чересчур сильные раздражения иногда не возбуждают, а, наоборот, затормаживают рефлексы, не дают им проявляться. Всякий новый непривычный раздражитель также действует над условный рефлекс, тормозя его проявление.

Затем надо сказать, что у собаки условные рефлексы с наибольшей быстротой возникают при звуковых и обонятельных раздражителях. Это следует всегда учитывать при дрессировке.

Все опыты, которые ведутся учеными школы И. П. Павлова над установлением у животных (главным образом собаки) условных рефлексов, носят чисто научно-экспериментальный характер и основаны исключительно на механическом воздействии на психику животного. При этих опытах ученые данной школы, принципиально стоя на строго объективной точке зрения, преднамеренно выделяют из поля своего внимания внутренние переживания, в частности эмоции животных, сосредоточивая свои исследования на физиологических моментах, для достижения в конечном счете общих целей по изучению психофизиологии живых существ.

В отличие от этого рода опытов я всю свою жизнь занимался изучением и приспособлением для нужд дрессировки тех условных рефлексов, которые возникают на фоне эмоции, приятной для животного, имея в виду, что всякое неприятное ощущение может только затормозить рефлекс. Методы вызывания простых условных и сочетательных рефлексов у И. П. Павлова и В. М. Бехтерева, являясь механическими и болевыми, нежелательно отражаются на чистоте и точности их, в то время как мой метод, основанный на установлении и использовании рефлексов, сопутствуемых положительными эмоциями, не будучи по своей природе ни механическим, ни болевым, не вызывает этих отрицательных явлений торможения.

Отвергая всякое насилие или механическое воздействие, способное вызвать неприятное ощущение, я начинаю дрессировку не сразу, а строю свой метод дрессировки в следующем порядке: прежде всего я произвожу:

- 1) одомашнивание животного (доместикация),
- 2) обезволивание животного, или приведение его в полное подчинение дрессировщику.

И только после этого я применяю:

3) пользование эмоциями животного для получения условных рефлексов (эмоциональных рефлексов В. Л. Дурова).

4) широкое использование тех движений и привычек животного, которые свойственны ему по природе.

Постараюсь вкратце объяснить значение каждого из этих этапов дрессировки.

Каждое животное, в том числе и собака, в особенности если она из питомника или со двора, чувствует некоторый род испуга и настороженности, попадая в руки дрессировщика. Такое состояние ее способно затормозить, задержать проявление и выработку тех или иных рефлексов. Поэтому, прежде всего, необходимо животное предельно domestizieren. Для этого дрессировщик должен сам кормить собаку, играть с ней, ласкать ее, приучать к обстановке, в которой будет вестись дрессировка.

При этом у собаки, между прочим, вырабатываются некоторые элементарные условные рефлексы, способные облегчить дальнейшую работу.

Попутно с этим необходимо добиться того, чтобы собака всецело подчинилась хозяину-дрессировщику, чтобы последний, если можно так выразиться, завоевал в ее глазах полнейший и безусловный авторитет. Чем больше авторитет у дрессировщика, тем лучше и быстрее пойдет дело с дрессировкой.

Приступая к дрессировке, необходимо раз и навсегда отказаться по соображениям целесообразности от каких-либо болевых и устрашающих воздействий на животное вроде хлыста, палки, парфорса, хватания за шиворот, шлепков, окриков. Все должно быть основано исключительно на действиях, приятных для животного, на прикорме («вкусопоощрение» – по моей терминологии), ласке поглаживанием, на ласковых поощрительных словах.

Такой метод даст наиболее верные и быстрые положительные результаты, в то время как болевые и устрашающие воздействия только заставляют действовать тормозные и оборонительные процессы, мешающие дрессировке.

Совершенно избегая насилия, следует широко, почти постоянно, пользоваться при дрессировке прикормкой, «вкусопоощрением», как для установления необходимых, намеченных дрессировщиком, условных рефлексов, так и для закрепления естественных и случайных движений собаки, которые покажутся дрессировщику полезными для дальнейшей работы.

Вкусопоощрение должно также служить для укорочения полного торможения или растормаживания целого ряда случайных или естественных условных рефлексов по выбору дрессировщика.

Подробно об этом я поговорю дальше.

А пока повторю свое утверждение, основанное на моем более чем полувековом опыте, что дрессировка, применяемая сейчас и основанная на одном механическом воздействии, не сможет дать и сотой доли того, чего можно добиться от собаки с помощью планомерного и вдумчивого установления эмоциональных рефлексов, ибо, как говорит доктор В. П. Сперанский, ученик Бехтерева:

«Без соответствующей эмоции мы не мыслим формирования условного рефлекса. Это – нечто обязательное, без чего невозможно образование новой рефлекторной дуги, нового организованного двигательного комплекса. Мы приучиваемся к любому новому для нас движению при обязательном участии активизирующей его эмоции».

Все это, сказанное о человеке, в одинаковой степени может и должно быть применено и к работе с собакой.

Итак, приступая к разрешению серьезнейшей проблемы, касающейся создания новых кадров промыслово-охотничьих собак, мы должны не только самым широким образом популяризировать методы зоорефлексологии, но и одновременно с этим внедрять в массу охотников и дрессировщиков технику использования эмоциональных рефлексов для целей дрессировки.

Именно с этим намерением поделиться своим богатым практическим опытом в области

такой техники я и решил проступить к составлению настоящей книги.

Торможение условных рефлексов

Дрессировка собаки всегда требует известной сосредоточенности как со стороны дрессировщика, так и со стороны дрессируемого животного. Этому обстоятельству следует придавать самое серьезное значение.

Такое внутреннее сосредоточение, по В. Бехтереву, состоит «в постоянных оживлениях известных следов» (былых раздражений в мозгу).

При возможном устранении всех других мешающих работе следов и при подавлении всех вообще внешних реакций у обезволенной собака это сосредоточение, играющее исключительно важную роль в дрессировке, выражается у domestiцированного животного гораздо ярче и полнее, чем у человека, потому что воля и задерживающие центры у такого животного более подавлены воспитанием, упражнением, дрессировкой.

Спокойное, сосредоточенное внимание является первым и главнейшим условием при дрессировке собаки, для полного переживания ею ощущений, вызванных сигналами, следами, световыми и иными раздражителями.

При ослаблении же внимания ряд сочетательных рефлексов задерживается и иногда совершенно прекращается; цепь условных рефлексов как бы обрывается.

Отсюда дрессировщик легко может сделать соответствующие выводы насчет того, что успешность в обучении собаки, прочность и полнота выполняемых ею движений в очень значительной степени зависят от того, в какой обстановке производится дрессировка. И собака, и человек должны быть абсолютно спокойны, и внимание их должно быть сосредоточено только на работе.

Конечно, индивидуальные особенности собак и то, в какой степени они обезволены, также играют большую роль в установлении прочного контакта между человеком и животным. Поэтому и устанавливать условные рефлексы невозможно у всех собак одинаково, по шаблону.

Степень сосредоточенного внимания у собак весьма различна: у одной сосредоточенность проявляется в любой момент и сохраняется довольно долго; у другой сосредоточенность вызывается с некоторыми усилиями и сохраняется на короткое время.

Когда вы достигли полной сосредоточенности у собаки, посадив ее перед собой и заставив слушать только себя и наблюдать только ваши движения, можно приступать к дрессировке путем установления условных рефлексов и методическим закреплением их теми способами, о которых я говорил выше.

В процессе дрессировки, в процессе установления у собаки условных рефлексов в виде тех или иных движений вам иногда может понадобиться, чтобы собака не довела до конца

своего движения, то есть остановилась на том моменте, который как раз соответствует намеренному вами заданию.

Для этого вы тем же методом вкусопоощрения затормаживаете движение и быстро добиваетесь своей цели.

Моя овчарка Марс по моему желанию во всякое время начинала аппетитно потягиваться. Потягивание происходило почти всегда полностью от начала до конца, то есть туловище собаки сперва подавалось назад, причем передние лапы напрягались, принимая почти горизонтальное положение, при этом голова и шея опускались к земле, затем туловище с изогнутым вниз позвоночником медленно двигалось вперед, вытягивались задние ноги и тянулись за туловищем, голова и шея принимали вертикальное положение.

Затем я пожелал искусственным образом изменить или, вернее, сократить это потягивание. Для этого мне достаточно было в нужный момент дать Марсу лакомство и он, не дотянувшись до конца, превращал медлительный процесс и сосредоточивал все свое внимание на подачке.

Это торможение и в следующий раз, когда я приказывал потянуться, вызывало недотягивание, другими словами, получилось новое движение, которое дрессировщик в своей практике сможет использовать как ему понадобится.

Например, многие охотники находят особенную красоту в стойке, когда собака, остановившись перед самой дичью, застывает с приподнятой передней лапой.

Ясно, что это тоже сеть своего рода заторможенное движение. Почувствовав дичь перед самым своим носом, собака сразу теряет темп потяжки и, вынужденная охотником сразу остановиться, не заканчивает движения одной из своих передних лап, и та повисает в воздухе.

Впрочем, я думаю, что это не имеет серьезного практического значения, и я привожу пример лишь как иллюстрацию.

Вместе с тем я уверен, что у дрессировщика охотничьих собак в работе его встретится не мало таких случаев, когда потребуется затормозить, не довести до конца какое-либо движение собаки.

Здесь он также легко достигнет успеха не с помощью механического воздействия, насилия, а только воспользовавшись вкусопоощрением и применив ласку.

Должен оговориться. Затормозить нетрудно, но как именно затормозить и как оживить торможение в мозгу животного – это, по-моему, в значительной степени зависит от чутья самого дрессировщика.

Можно так затормозить, что и от самого торможения ничего не останется, и сам эмоциональный рефлекс пропадет.

Много значит, чтобы во время вашего искусственного торможения не появилось какое-либо внешнее, постороннее торможение, т. е. надо, чтобы собака находилась в состоянии спокойной сосредоточенности.

Был, например, случай, когда пролетающий мимо окна голубь отвлек внимание одной из обезьян, с которой я работал, добиваясь нужного мне заторможенного действия. Все дело было испорчено, и пришлось работу начинать сначала

Читая некоторые статьи и книги теоретиков и практиков дрессировки охотничьих собак, невольно обращаешь внимание на то обстоятельство, что почти все эти авторы самого дрессировщика ставят в какую-то подчиненную собаке и условиям дрессировки роль.

Некоторые пишут: «Когда собаке придет желание сделать то-то», или: «В этот момент собака замирает от волнения и восторга», или: «У вас не найдется способа заставить собаку сделать то-то...» и т. д.

Читая эти рассуждения, иногда перестаешь понимать, кто же кого дрессирует – человек собаку или собака человека?

Именно отсюда, несомненно, вытекают и практикуемые до сегодняшнего дня первобытные методы дрессировки собак, выражающиеся в механическом воздействии на животное.

Собака кусает человека, человек, защищаясь, бьет ее палкой. Чтобы собаку выгнать, человек подстегивает ее хлыстом. Собаке нужно остановиться – человек привязывает ее на веревку...

А ведь на самом деле мы знаем, что человек на современной стадии своего развития как существо социальное, наделен той способностью ставить себе сознательные трудовые цели, которая и отличает его от животного.

Эта способность человека осуществлять свою сознательную цель поднимает его на значительно более высокую ступень по сравнению с животными.

«Паук,– пишет К. Маркс,– совершает операцию, напоминающую операцию ткача, и пчела постройкой своих восковых ячеек посрамляет некоторых людей-архитекторов. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что прежде, чем построить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже перед началом этого процесса имелся в представлении работника. Он не только изменяет форму того, что дано природой, а в том, что дано природой, он осуществляет в то же время свою сознательную цель».

Вот эту-то «сознательную цель» в приспособлении природы к своим производственным нуждам и должен, между прочим сознательно, преследовать каждый дрессировщик, изменяя сообразно этим целям поведение своего исполнителя – собаки.

«Собака вывела человека в люди»,– писал проф. Богданов, разумея то, что с помощью собаки человек от первобытного звероловства поднялся на высшую хозяйственную ступень скотовода и оседлого земледельца. Но выражение это совершенно неправильно.

Не «собака вывела человека, в люди», а человек сознательно переделал поведение собаки, превратив ее (учитывая природные способности) из дикого зверя в послушного сторожа, загонщика скота или в отыскивателя звериных следов и запахов.

Однако пока, как мы видим, человек не пошел в этом направлении дальше способов

одного физического воздействия на собаку в процессе приспособления ее к своим хозяйственным нуждам.

Между тем мы знаем, что современная наука утверждает единство физического и психического в природе поведения животного.

Воздействуя так или иначе на физическую сущность животного, мы не можем забывать и об отражении материальной сущности процесса в его психической сфере.

Совершенно недостаточно знать лишь одно внешнее поведение животного. Надо одновременно с этим изучать также и основы его психики. Хотя это и представляет известные трудности, но зато оплачивается сторицей, давая в области дрессировки чрезвычайно богатые результаты.

Тут я не могу удержаться от того, чтобы не упомянуть об академике Павлове, который, производя огромное количество опытов над собаками, установил в лаборатории за употребление психологических терминов в применении к собаке штраф для своих сотрудников. Но это не помешало все же ему написать в 1914 году:

«Я преклоняюсь перед усилиями мысли старых и новых психологов и я проникнут убеждением, что чистая физиология головного мозга животных облегчит непомерную богатейшую работу тех, кто посвящал и посвящает себя науке о субъективных состояниях человека».

Думаю, что сторонники того взгляда, что поведение человека и животного надо изучать только в порядке экспериментальной физиологии, никогда не добьются полных результатов, тех результатов, к достижению которых толкает нас жизнь.

Для пояснения моих работ в этой области считаю нужным привести некоторые мысли из моей книги «Дрессировка животных. Сорокалетний опыт». (1924 г.)

Наблюдая и изучая выражение ощущений у людей и животных, я заметил следующее: повседневно люди, разговаривая друг с другом, сами того не замечая (за собою и за другими), передают и воспринимают одинаковые, однородные выражения во время интересующего их разговора.

Эти однородные выражения или, лучше сказать, одинаковые сокращения и изменения мышц лица часто как бы застывают на лице и некоторое время, независимо от перемены темы, или точнее сказать, от образов, проносящихся в мозгу слушающего, остаются, как бы застывая на несколько минут. Затем постепенно сглаживаются и исчезают, или иногда переходят в другое положение, и получается иное выражение, в зависимости от смысла разговора.

Представления, образы как бы отражаются на лице и некоторое время удерживаются на нем только тогда, когда внимание особенно сосредоточено. Подробности рассказа об убийстве знакомого вызывают выражение ужаса на лице слушающего, и когда рассказчик переходит к какой-нибудь мелочи, не имеющей непосредственного отношения к фактам убийства, слушающий всё-таки не меняет выражения лица. Но вот заговорили о другом, и у него постепенно меняется выражение лица. Он как бы очнулся и уже следит за собой и придает своему лицу другое выражение – деланное, подобающее данному моменту, т. е., иначе говоря, он симулирует.

Итак, анализируя самого себя, я должен сказать следующее. Ужас на лице, отраженный помимо моей воли, есть рефлекс обыкновенный. Чувство и мимика слиты воедино: образ убитого проносится в мозгу с быстротою молнии, я вижу его таким, каким он был со мной в последний раз. Образы сменяются, как в калейдоскопе, воспринимаются подробности убийства и тем как бы закрепляется положение мышц лица (поднятые брови, полуоткрытый рот и т. д.).

Мимика дает возможность судить о состоянии (душевном) живого существа, объективная психология этого не допускает, но не отрицает полезности для психологии субъективных наблюдений и самоанализа. А. Нечаев утверждает, что хорошим психологом может быть только тот, кто умеет хорошо наблюдать над самим собою, а В. Бехтерев прибавляет: «...и кто умеет хорошо воображать», (В. Бехтерев. – «Объективная психология». 1907 г., стр. 5).

Рассказчик зарождает в моем мозгу новые образы, и старый след оставшегося впечатления сглаживается; с ним сглаживаются и приходят в нормальное положение мышцы лица. Отсюда предварительный вывод, что обыкновенным рефлексом (или безусловным) мы будем считать мимику ужаса (испуга) человека.

Объективисты утверждают, что по внешнему поведению и мимическому выражению ощущений животного нельзя судить о его внутреннем состоянии (психическом), т. е. мы не имеем научного права сказать, что в данный момент животное радуется, страдает, спокойно и т. д.

Я попытаюсь доказать противное путем сопоставления переживаний человека и животного, исходя из того, что даже объективисты придают громадное значение самонаблюдению и самоанализу.

Перед фотографической съемкой служитель злит обезьяну, которая, по-моему, приходит в ярость и огрызается. Я стою рядом с ней и пытаюсь привести себя путем воображения в аналогичное состояние злобы. Фотограф фиксирует на пластинке выраженные состояния у нас обоих. Я анализирую себя и нахожу, что в данный момент довел себя силою воображения до состояния истинной злобы, которая внешним образом запечатлелась в моей мимике. А раз наша мимика, как видно из фотографии, почти до точности идентична, то я считаю себя в праве предположить, что обезьяна чувствовала почти то же самое, что и я заставил себя чувствовать. Понятно, перемены в различных чувствах происходят у нас, людей, не до тонкости одинаково – злоба, радость, и т. д. у каждого в отдельности, наверное, протекают по-своему, в зависимости от предшествующих представлений в мозгу и от сцеплений образов и т. д. Но сущность одна и та же, а потому и выражения, и мимика сходны у всех; даже у некоторых животных, в особенности тех из них, строение которых доходит до человека, проявляется это сходство мимики. Даже у собаки, строение черепа которой далеко разнится от человеческого, и у нее мимика и пантомима дают некоторые сходства. Возьмем, например, оскаливание зубов во время злобы, растягивание губ при смехе, сосредоточенное внимание, сопровождаемое частым особым поворотом головы, и т. д. «Даже некоторая мимика, – пишет Дарвин, – у человека, имеет свое атавистическое начало от животных».

Не у всех собак мы видим одинаковые выражения ощущений. У одних пород некоторые ощущения выражаются в резкой степени, у других те же самые ощущения выражаются слабее, например, у борзых, английских гладкошерстных и у обыкновенных густопсовых. Из 19 штук, перебивавших у меня в дрессировке, я ни у одной из них не замечал таких характерных виляний задом и хвостом, как у французских бульдогов, фокстерьеров или в особенности у тойтерьеров.

У последних моих выводков – редкостных карликовых тойтерьеров, или репинчеров, эти движения при выражении радости производились настолько быстро и учащенно, что даже послужили, мне кажется, причиной к неправильному развитию задних ног. Постановка задних ног у карликовых тойтерьеров, в особенности у старых, резко отличалась своею неустойчивостью, вследствие чего задние ноги отстояли друг от друга шире, чем у молодых, с очень заметными искривлениями.

Затем при выражении особо сильной радости эта порода тойтерьеров, быстро виляя задом, улыбалась, поднимала свои верхние губы и показывала зубы вперемежку с вилянием задом и улыбкой; прерывисто чихала от радостного волнения (чаще дышала, вследствие чего раздражала слизистую оболочку носа).

У борзых и у многих других пород этих явлений при проявлении радости я никогда не видал. Хотя выражения радости, горя и других чувств у собак проявляются не совсем одинаково, а в других случаях и вовсе не проявляются наружу, но все-таки общий корень есть у всех животных, не исключая и человека.

Природа выражения ощущений во многих случаях одинакова. Возьмем хотя бы виляние задом. Я часто наблюдал, в на балах, как молодой человек подходил к даме, виляя довольно заметно своим задом, изгибая позвоночник в разные стороны, при этом самодовольная улыбка играла на его лице. Эти виляния задом, если играла в это время музыка, большею

частью попадали в такт.

Подхалим извивается перед начальством, подлизываясь; ловелас извивается перед женщиной, стараясь обратить на себя ее внимание. А грация движений телом разве не зависит большею частью от развития позвоночника?

Природа этих движений одна у всех позвоночных. Мой дрессированный варан сильным хвостом резко выражал свое настроение, и если конец хвоста его двигался в стороны спазматически и неровно, я в этот момент никогда не подпускал к нему моих беленьких мышек.

По движениям хвоста у кошки я знал ее настроение и не рисковал пускать ее работать совместно с крысами. По хвосту животных я узнаю многие душевные переживания, а у бесхвостых – по их движениям задом, по изгибанию позвоночника.

Собака ярче всего выражает свои ощущения головой и хвостом. Понаблюдаем немного: собака спит, лежит, свернувшись калачиком. Все мышцы ее тела ослаблены. Но вот одно ухо двинулось, чуть-чуть поднялись. Ухо – первый проводник из внешнего во внутренний мир животного, при закрытых глазах. Хвост в своей основе слабо напрягся, и собака, не меняя позы, поднимает чуть-чуть от пола конец хвоста и вновь опускает на пол. Пауза. Уши, сначала одно, а вслед за ним и другое, напрягаясь, поднимаются и оборачиваются в вашу сторону. Хвост через несколько секунд начинает шевелиться и уже ясно выраженным движением бьет равномерно до полу; махнул хвост взад и вперед, как половая щетка, и учащенно забился об пол. Собака открыла глаза и поднимает медленно голову.

Разве во всех движениях хвоста не чувствуется целая гамма ощущений?

Глаза ваши встретились с глазами собаки. Собака медленно, не спеша, встала. Хвост перестает двигаться, уши напряженно торчат вверх. Встав на ноги, собака замерла: хвост опускается немного ниже спины. Собака, не спуская с вас глаз, после короткой паузы перекашивает голову на сторону, как бы желая поставить свои глаза и уши вертикально (выражение сосредоточенного внимания), причем хвост чуть напрягается и благодаря этому поднимается выше. Пауза... Но вот вы улыбнулись. Моментально меняется выражение у собаки: голова опускается ниже уровня спины, хвост тоже, опускаясь, начинает качаться, как маятник, равномерно из стороны в сторону.

Собака, приложив уши к затылку, подходит к вам, подставляя голову, как бы приглашая вас погладить ее.

В этой короткой сцене ясно выражается то, что внутренние «душевные» движения сопровождаются игрой позвонков, почти каждого в отдельности, а в общем – всего позвоночного столба, начиная с шейных, грудных и кончая последним позвонком конечности хвоста. Приблизительно можно нарисовать в виде схемы такое движение и положение позвонков и ушей.

Обласканная собака тотчас же усиливает движение хвоста в стороны, причем учащает темп и начинает шевелить спинными позвонками. Повторяю, что гамма позвоночной «музыки», если можно так выразиться, по-видимому, неразрывно связана с психическими переживаниями животного.

Теперь остается расшифровать каждое малейшее движение всего позвоночника, согласовать эти движения с переживаниями, и получится ясная картина выражения ощущений у собаки и их определение. Понятно, уши, глаза и другие части тела, так же, как; и позвоночник, добавляют и дополняют друг друга. Допытываться происхождения и природы движений животных, доискиваться их начальных проявлений не входит в мою задачу. Великий естествоиспытатель и ученый Чарльз Дарвин сам признается в несовершенстве своего труда, даже в рациональном объяснении выражений.

Познакомившись с трудом великого ученого, я со многим не могу согласиться.

Моя практика и постоянное общение с животными во время установления различных ассоциаций показывают на неточности, которыми обильно насыщена та часть книги, которую он озаглавил «О выражении ощущений у человека и животных».

Не премину указать на некоторые из них (глава IV, «Способы выражений у животных», стр. 41): «Кролики и зайцы, например, почти никогда не употребляют своих голосовых орга-

нов, как только при сильном страдании, например в тех случаях, когда раненый заяц добивается охотником или молодой кролик пойман хорьком».

Мои прирученные кролики издают крики при обычной драке, которая у них часто происходит, в особенности в период спаривания. Пользуются своими голосовыми органами кролики и зайцы при игре и ссоре друг с другом, издавая особый тихий гортанный звук одновременно с фырканьем, похожим на короткое ворчание. Часто добавляют к ворчанию стук о землю задней лапой, служащий им как выражение нетерпения или недовольства и угрозы. Крольчата в период обрастания пушком издают писк, так же как и крысы, когда их мать тревожит своим неловким передвижением в гнезде.

Короткое ворчание у зайцев замечалось мною во время дрессировки в трусообмане. Короткое ворчание кроликов и зайцев часто дополнялось стуканьем о пол задней ногой. Это же движение нетерпения, смешанное со злобой, я встречаю и доньше у различных животных. При долгом неполучении от меня вкусоощрения мой верблюд бьет задней или передней ногой о землю, ясно выражая злобу или нетерпение. Во-время данное вкусоощрение тормозило развитие чувства досады и нетерпения и оставляло одни движения ногами, которые благодаря частому повторению (зазубриванию) ассоциировались с вкусоощрением и моими движениями и интонацией моего голоса.

Таковыми же приемами я дрессировал козла, теленка, баранов и т. д. Мой барашек сердито ударял передней ногой сначала о пол, а потом я подставлял ему музыкальный мех. При повторном вызывании этого движения все меньше и слабее выражалось чувство недовольства и под конец совсем пропадало и заменялось только желанием получить вкусоощрение.

Природа этих нетерпеливых движений для меня вполне ясна, и я не могу согласиться с Ч. Дарвином, который приписывает им другой смысл. Он пишет: «Жвачные – рогатый скот и овцы – замечательны по своей слабой способности выражать свои ощущения и чувствования, исключая, может быть, чувствования боли».

А разве жвачные животные не выражают, как и собаки, удовольствие помахиванием хвоста, трением своего тела, игрой, символическим призывным мычанием и лизанием рук и т. д.?

Мой козел, когда я заставляю его исполнить требуемое, получает вкусоощрение и тотчас же выражает удовлетворение частым движением хвоста. А мой поющий бык, не давал ли он мне материал для установления ассоциаций? Его мычанье в стойле, ассоциированное мною вкусоощрением, дало возможность заставлять его петь на арене. А мой осел, кричащий по команде во всякое время, и т. д.?

Многие животные выражают ясно свои ощущения и мимикой, и движениями, и голосовыми связками, и блеском и потускнением своих глаз. Можно ли вообще сравнивать, какие животные больше имеют выразительной мимики, а какие меньше? Собака, курица, заяц, черепаха, крыса и слон – каждый имеет особые данные для выражения своих ощущений.

И вот разве все эти примеры не говорят о качественном подобии в психике человека и животного, разнящемся только в количественном отношении?

«Остается еще исследовать, – писал В. И. Ленин, – каким образом связывается материя, не ощущающая вовсе, с материей из тех же атомов составленной и в то же время обладающей ясно выраженной способностью ощущения».

По этому поводу приведу суждение философа Дидро: «Возьмите яйцо. Что такое это яйцо? Масса, не ощущающая, пока в него не введен зародыш, а когда, в него введен зародыш, то что это такое? Масса не ощущающая, ибо этот зародыш, в свою очередь, есть лишь инертная и грубая жидкость. Каким образом эта масса переходит к другой организации, к способности ощущать, и жизни? Посредством теплоты. А что производит теплоту? Движение. Вылупившееся из яйца животное обладает всеми вашими эмоциями, проделывает все ваши действия. Станете ли вы утверждать вместе с Декартом, что это – простая машина подражания? Но над вами расхохочутся малые дети, а философы ответят вам, что если это машина, то вы такая же машина. Если вы признаете, что между этими животными и вами раз-

ница только в организации, то вы обнаружите здравый смысл и рассудительность, вы будете правы; но отсюда будет вытекать заключение против вас именно, что из материи инертной, организованной известным образом, под воздействием другой инертной материи, затем теплоты и движения получается способность ощущения жизни, памяти, сознания, эмоций, мышления».

Психику, степень или объем сознания животного мы можем постигнуть главным образом при дрессировке. Механические эксперименты физиологов дают в этом отношении очень скудный материал, они дают только познание элементов, а не целостной материальной психики животного.

Джон Уотсон в своей книге «Behavior», говоря о «пределах обучения» у так называемых «одаренных животных», пишет: «В животном могут быть такие глубины, в которые бихевиорист (изучающий поведение животного) не проникал и не может проникнуть иначе, как хотя бы частично приняв технику любителей-дрессировщиков, т. е. живя большую часть своего времени с животными и усложняя методы обучения».

И мы уже наблюдаем, как некоторые ученые оставляют свои лаборатории и научные кабинеты для непосредственного изучения животных в их природной обстановке, где нет никаких препятствий для живого, естественного проявления эмоций.

Вот на почве и при условии такого непосредственного изучения животного и можно, дрессируя его, создать необходимый психический контакт, о котором я говорил в предыдущей главе.

По этому же доводу профессор Д. Н. Кашкаров, ссылаясь на мои работы по дрессировке, пишет в своей книге «Современные успехи зоопсихологии».

«При дрессировке перед животным ставится определенная задача. Животное может решать эту задачу какими угодно, всеми доступными ему способами. Его не стесняют при этом. Дрессирующий при этом должен быть очень изобретательным. Он не должен ставить животным невозможных задач. Он должен прежде, чем приступить к дрессировке, самым тщательным образом изучить все привычки, все повадки животного. Его задача – использовать эти повадки таким образом, чтобы животное выполнило поставленную ему сложную задачу. Для этого дрессирующий должен проникнуть в психологию животного, должен постоянно, непрерывно быть с ним, наблюдать его, сжиться с ним, сопереживать. Тогда дрессировка будет успешна».

В другом месте профессор Кашкаров говорит:

«Для установления ассоциаций (условных эмоциональных рефлексов – В. Д.) необходимо постоянное общение с животным и его обезволивание, его воспитание. Надо, чтобы оно настолько привыкло подчиняться вам, чтобы не могло уже противиться ни днем, ни ночью. Обезволивание достигается постоянным общением с животным и тем, что вы, сколько бы терпения это ни стоило, добиваетесь выполнения каждого вашего требования. Животное, таким образом воспитанное, становится все более и более исполнительным и послушным. Тогда начинается учение... «Чудеса», достигаемые некоторыми дрессировщиками, например, В. Дуровым, известны... Тут, в сущности, тот же процесс, что и при воспитании детей и даже взрослых. Никакой принципиальной разницы нет. И как, воспитывая ребенка, мы постигаем его психологию, ибо все время общаемся с ним, и ни одна мелочь не ускользает от нашего восприятия, так и здесь: дрессируя животное, воспитывая его, мы волей неволей живем с ним одной жизнью, сопереживаем. И, это сопереживание, как и в человеческой психологии, конечно, поможет нам глубже познать психику животного, нежели это можно сделать при помощи одних аналитических методов».

Только установив психологический контакт с дрессируемым вами животным, предельно обезволив и domesticiровав его, мы сможем понять степень и характер его сознательных ощущений, вырастающих на почве тех или иных эмоций.

Приведу по тому поводу несколько примеров.

Мой собака Рыжка подходит ко мне и тянет зубами за полу моей куртки, явно сознательно желая, чтобы я встал с места, пошел в соседнюю комнату и поставил на пол миску с

ее едой, стоящую на полке (анонс).

Моя обезьяна Мимус явно сознательно брала меня за правое или левое ухо с тем, чтобы повернуть мою голову в ту сторону, где находился интересующий ее предмет.

Моя слониха Нона явно сознательно подтаскивает меня хоботом к своим ногам, заставляет садиться и всем своим поведением дает понять, что ей хочется, чтобы я почесал ее соски – единственное нежное место, где она в полной мере ощущает прикосновение моей руки.

Таких примеров можно привести множество. Я считаю излишним далее останавливаться на вопросе о существовании сознания у высших животных. Вопрос этот, решенный положительно, заставляет окончательно и бесповоротно признать непригодными методы механического воздействия при дрессировке животных.

Но не следует забывать и еще одного весьма существенного обстоятельства.

Дрессируя собак, т. е. изучая психику (высшую нервную деятельность) собак, некоторые специалисты-собаководы иногда устанавливают так называемые «психологические типы» для собак. В особенности такое течение наблюдается в области служебного собаководства.

На этой ошибке теоретиков служебного собаководства можно поучиться и тем, кто имеет дела с охотничьими собаками.

«Типизация» собак по внешним признакам может привести к целому ряду недоразумений и, в том числе, к порче дрессируемых собак.

Нельзя не согласиться с С. Иптролигатиным, который в своей статье «Учение о высшей нервной деятельности и практическая работа с собаками» («Собаководство», 1932 г., № 2) говорит:

«При дрессировке собаки необходимо индивидуально подходить к каждому животному, считаясь с его «характером», так, как характер животного так же многогранен, как и человека... Правильно поступит тот дрессировщик, который, кладя в основу своей работы учение о высшей нервной деятельности, не станет делать преждевременных и скороспелых заключений, а путем длительного и глубокого изучения собаки придет к выводу о преобладающем характере ее нервной деятельности... Основательно познакомившись с учением о высшей нервной деятельности, дрессировщик будет обдуманнее, осторожнее подходить к собаке, будет чутко присматриваться ко всем проявлениям внутреннего мира собаки, реже станут случаи порчи собаки дрессировщиком. Будет изжита обезличка».

Инстинкт преследования и бегства

Каждому дрессировщику, перед тем как приступить к работе с собакой, необходимо в первую очередь, твердо усвоить и понять закон, по которому огромное большинство животных (в том числе и человек) стремятся преследовать все удаляющееся от них и, наоборот,

склонны убегать, отходить от всего к ним приближающегося.

Поясню это примерами.

Каждый из вас видел, с какой яростью набрасываются собаки на проезжающую телегу, автомобиль, всадника. Они далеко провожают их по дороге, захлебываясь от лая и стремясь схватить за вертящееся, ускользящее от них колесо.

Кошка стремительно бросается на убегающую мышшь.

Но можно эту реакцию подавить, искусственно извратив нормальные условия. Так, например, если взять механического игрушечного мышонка и пустить его бежать по полу в сторону от кошки, последняя, конечно, погонится за ним и захочет наложить на него свою лапу. Но, если, наоборот, заставить мышонка бежать навстречу кошке, та обязательно сперва растеряется, а, в конце концов, пустится удирать.

Нечто в этом же роде можно наблюдать, играя с котенком бумажкой, привязанной к нитке. Если бумажка удаляется от котенка, он бросается за ней. Но если потянуть бумажку навстречу котенку, он убегает в сторону и, наверное, не захочет больше играть.

Морган утверждает: «Новорожденные птенцы инстинктивно хватают червя не потому, что это червь, а потому, что это маленький движущийся предмет. Ибо, если двигать пищу перед новорожденными птенцами, то они скорее обратят на нее внимание».

К этому можно прибавить: если пищу двигать навстречу птенцу, он не будет хватать ее; пусть червяк поползет к птенцу, и малыш обязательно попятится от него назад. Наоборот, уползающий червяк тотчас же будет схвачен, птенец клюнет его вдогонку.

Был у меня такой случай в жизни.

Однажды я выступал с моими зверями в курском цирке. Там же в то время работала укротительница львов Маргарита, танцующая среди своих зверей танец «Серпантин».

Как-то после спектакля я засиделся со своими приятелями в цирковом буфете.

Все давно разошлись, и буфетчик заснул над стойкой, а мы все еще продолжит нашу оживленную беседу.

Поздно ночью нам всем понадобилось выйти наружу. Мы долго блуждали по каким-то темным коридорам, под галереей цирка, натыкались на ящики, углы и реквизит (театральные приспособления). Наконец, в полном мраке, больше ориентируясь на запах, мы открыли какую-то дверь, вошли, и каждый занялся своим делом.

И вдруг все мы почувствовали перед собой какой-то движение, и в абсолютной темноте желтыми огнями загорелись несколько пар глаз. Это были львы.

Мы попали в большую клетку, в которой Маргарита держала своих зверей.

Я мгновенно пришел в себя. Следов ночного пира как не бывало. Короткой, внушающей фразой «Ни с места, иначе мы погибли!» мне удалось удержать своих приятелей от бегства. Если бы мы побежали, то львы, движимые инстинктом преследования, настигли бы нас и разорвали.

Наоборот, я сделал несколько шагов навстречу светящимся точкам, а в это время предложил моим спутникам медленно отходить к двери. Когда они все вышли, я с величайшей осторожностью, медленно, делая вид, что я просто хожу по клетке, зигзагами сделал несколько шагов, направо и налево, незаметно очутился около двери и тогда, быстро выскочив, захлопнул ее. И в этот самый момент львы подскочили к двери и проводили нас злобным рычанием.

Нечто вроде этого мне пришлось однажды прочесть в одной парижской газете («Последние новости» от 14 сентября 1930 г.), напечатавшей следующую заметку:

«В Мадриде недавно на глазах многочисленной публики разыгралась тяжелая драма. В зоологическом саду в клетку, в которой находились львы, проник господин средних лет. Собралась большая толпа. Неизвестный палкой дразнил львов.

– Это – сумасшедший!.. Его надо вытащить из клетки!

Крики, стоны, истерические возгласы женщин, – все это на человека в клетке не производило ни малейшего впечатления. Он продолжал дразнить львов, но звери были спокойны.

Тогда неизвестный подошел к железной решетке и обратился к публике со следующи-

ми словами:

– Не думайте, что я сумасшедший. Я решил покончить с собой и хотел, чтобы меня растерзали львы. Но так как львы меня не трогают, то мне ничего не остается, как прибегнуть к самому простому способу.

И он выхватил из кармана револьвер и пустил себе пулю в лоб. В этот момент львы бросились на упавшего самоубийцу и растерзала его».

Даже в том случае, если это не истинное происшествие, а очередная сенсация газеты, надо признать, что газетчик придумал на этот раз все очень правдиво и это вполне соответствует тем представлениям об инстинкте преследования и убегания, о котором я говорил выше.

29 января 1925 г. после смерти моей обезьяны Гаши (в Тифлисе), я получил от заведующего лечебницей для животных и птиц (Тифлис, ул. Камо, 80) следующее интересное письмо.

«Глубокоуважаемый Владимир Леонидович! Узнав о гибели Гаши, я очень жалел, что она не попала ко мне на излечение. Мне кажется, что я сумел бы спасти ее, так как ни один случай за мою 28–летнюю практику с выпадением прямой кишки у животных (собак, кошек и одной обезьяны) не кончился смертью.

Между прочим, я очень заинтересовался вашим эмоциональным методом обучения животных и вижу, что в нем нет ничего таинственного или фантастического. И я не замедлил сделать попытку применить его на практике к моим строптивым пациентам, строптивость которых всегда бывает в результате неумелого, грубого, нелюбовного отношения к животным.

27 декабря лошадь тифлисской разгонной станции по кличке Цыпленок была искусана и в области шеи у нее образовалась большая опухоль с нагноением. Лошадь никого не подпускала к себе, кусалась, брыкалась, в станке билась неистово. О применении «закрутки» и речи не могло быть.

Тогда я вспомнил о вашем методе укрощения зверей. Вошел решительно в конюшню, приказал отвязать лошадь, вынул из кармана кусок белого хлеба, дал его Цыпленку. Он взял недоверчиво, но все-таки съел. Привязали лошадь к столбу, но медикаментов и инструментов ей не показывали. Пять минут я ласково беседовал с лошастью. Когда она совершенно успокоилась, я взял инструмент, смело подошел к лошади, раздвинул гриву, разрезал нарыв, промыл рану. Цыпленок стоял совершенно спокойно. Так я провел все лечение, еще раз покормил из рук своего пациента и отвел его в конюшню. Спустя девять дней, Цыпленок выздоровел, и его стали запрягать.

Другой случай был с собакой, принадлежащей врачу Ермоленко. Придя домой, я застал у себя в приемной пациента – собаку с молодым человеком. При моем появлении собака начала бросаться на меня, как бешеная, не пуская войти в комнату. Тогда я быстро двинулся ей навстречу, внушительно заговорил с ней, глядя ей прямо в глаза. Собака тотчас поджала хвост и стала покорной. В конце концов, я спокойно обмыл ей рану на бедре, прижег ее сулемой, и мы расстались друзьями до такой степени, что она подала мне лапу.

В дальнейшей своей практике я широко применял ваш способ подхода и животным и с неизменным успехом.

Ветеринарный врач А. И. МЕЛИК-БАБАХАНОВ.

Инстинкт преследования (безусловный рефлекс) глубоко заложен в природе животного и в сущности пронизывает весь комплекс его поведения. Несомненно, он связан с процессом добывания пищи и преследования самки.

Не буду углубляться в эту интереснейшую область, но скажу только, что начинающему дрессировщику охотничьих собак с первых же шагов своей работы придется серьезнейшим образом считаться с безусловным рефлексом преследования и убегания, который особенно ярко проявляется у собаки.

Уже при вкусопоощрении отдергивание руки с пищей иногда заставляет животное быстро хватать пищу вместе с рукой. Ваше произвольное отдергивание руки от рта животного

го тотчас же вызывает рефлекс преследования и нападения. И поэтому я часто подношу пищу к морде собаки, имеющей склонность хватать за руки, и как бы насильно всовываю в самую пасть руку с мясом. Это резкое движение заставляет собаку отодвигаться назад, она беспомощно старается освободить свой язык от вашей руки и совершенно забывает о возможности укусить. Несколько таких приемов – и собака навсегда отучится хватать пищу с рукой.

Даже и при явных нападениях и желании укусить эти резкие движения вашей руки на встречу пасти животного парализуют рефлекс преследования. Собака, волк, лев и пр., открыв пасть и скаля зубы, приближаются к вам с явным, намерением напасть. И они тотчас меняют свою тактику, как только вы вместо удаления, бегства сами начнете приближаться к ним и сунете руку в глубь пасти.

Методом разнообразного использования рефлекса преследования и убегания можно добиться при дрессировке самых удивительных результатов. В частности, обманывая позыв к бегству, можно заставить струсившее животное перейти в наступление. Этот метод дрессировки я называю трусообманом и широко им пользуюсь.

Пользуясь им, например, я заставил зайца бить по барабану.

Прежде всего, надо, чтобы заяц из пугливого превратился в храброго. Для этого сначала пойманного зайца приручают к рукам. Опасайтесь причинить ему когда-либо боль. Ежедневно по несколько раз необходимо кормить его из рук, ласкать осторожно и обращаться с ним предупредительно, нежно. Наконец, заяц уже не пугается вашей руки, он видит ее постоянно с пищей и с лакомством: зеленым салатом и сладкой морковкой. Постепенно вы приучаете его к прикосновению вашей руки, которою слегка сжимаете его бархатные уши и спинку. Затем постепенно, не спеша, поднимаете зайку за шкуру спинки, подставляя другую руку под передние лапки зайца. Надо осторожно и быстро перенести его таким образом к себе на колени. Он у вас на коленях и тотчас же получает хлеб или сахар. К такой переноске он быстро привыкает, конечно, если это производится ловко и безболезненно. Нежное поглаживание по голове и по прижатым к спине ушам заставляет зайку закрывать от удовольствия глаза. Сердце его при этом бьется не усиленно, а нормально. Надо терпеливо повозиться с ним, и, наконец, – заяц ручной.

У меня был устроен высокий пьедестал с верхней доской, обшитой кругом бортиком в два пальца высоты. Раз пять-шесть в день я быстро за кожу спины поднимаю зайца и, подставляя другую руку под брюшко, переношу его на пьедестал. Здесь его ждет угощение. Когда заяц осмотрится кругом и, обнюхав края своей площадки, примется жевать салат, я осторожно и медленно подношу к его мордочке маленький детский барабан. Заяц вопросительно поднимает уши и косо смотрит на него. Я делаю вид, что барабан боится зайца, и отодвигаю его от зайки (начинается применение трусообмана). Заяц, спеша, уплетает нежный салат. Барабан опять медленно, как будто крадучись, приближается к салату, лежащему на площадке. Заяц уступает, отодвигается, выпучив пугливые глаза и шевеля вопросительно ушами. Барабан в свою очередь «боится» этих глаз и ушей. Он также отодвигается от салата и зайца в другую сторону. Заяц встал на задние лапки и смотрит то на барабан, то на салат. Молодой зеленый салат манит его взор, и раздвоенная губа зайца скосилась в сторону свежего салата. Он потянулся в нему, не переставляя своих длинных задних ног. Тело его вытянулось, и он с трудом, не спуская глаз с барабана, достает листок салата.

Барабан еще пуще «испугался» и еще дальше ушел от салата. Заяц передвинул задние лапы ближе к корму, съел еще листок и вытер передними лапами морду. Но вот заяц вздумал шагнуть, т. е. передвинулся, ставя сразу две короткие передние лапки и подвигая к ним обе вместе длинные задние. Барабан тут как тут и уже близко к салату. Заяц моментально повернулся к барабану и сел, подняв мордочку, в ожидании. Барабан лежит неподвижно до тех пор, пока заяц не потянулся к нему, нюхая воздух. Барабан поехал по воздуху назад. Заяц, не обращая внимания на салат, уже смелее делает прыжок к удаляющемуся незнакомцу-барабану. Барабан заходит с другой стороны зайца и, как только трус перевертывается к нему, опять быстро удаляется и скрывается. Заяц гордо поднимает морду и передние лапки,

тряхнув ими, как бы стряхивая с них воду. Это значит, что он начинает пугать. Барабан полторы минуты не показывается совсем. Зайка ест салат, который быстро, листок за листком, исчезает у него во рту. Но вот моя левая рука, давно знакомая зайцу, подносит к его мордочке длинную тонкую морковку. Заяц, спеша, откусывает ее и жует. Морковка лежит перед ним, сочная, сладкая. И вдруг опять барабан медленно приближается к морковке. Заяц уже смело угрожающе поднимает передние лапки, загнув вперед крепкие длинные уши. Барабан струсил и удрал.

Заяц опять самодовольно, тряхнув передними лапами, принимается есть морковку. Но тут опять несносный барабан. Смелое движение зайца к барабану – и его уже нет. Заяц продолжает уплетать морковь уже не спеша, не боясь, что ее может отнять у него какой-то блестящий барабан. Заяц ему не даст моркови. Он ему докажет, какие у него крепкие длинные когти на передних лапках. Заяц знает силу и быстроту движений своих лап. Он не забыл еще, как быстро рыл ими землю, чтобы закопаться в нору, и скрыться, таким образом, от идущего по полю человека. Он покажет этому трусливому барабану, что значит он, заяц!..

Тем временем барабан медленно подвигается к кончику оставшейся моркови. Заяц сидит в полуоборот к барабану и делает вид, будто не видит его. Но вот барабан уже близко. Он около самого зайца. Тот моментально делает пируэт и сильно ударяет лапкой по барабанной шкуре. Барабан исчез, заяц гордо и воинственно поглядывает по сторонам, шевеля ушами, как ножницами. Он даже от радости на момент закачал, как маятником, своим коротким хвостиком. Антракт.

Зайцу кладется для возбуждения аппетита сдобный сухарь. Серый грызет и ждет врага. Опять появляется желтый барабан, и заяц успеваает быстро, мелкой дробью побарабанить по шкуре.

Заяц воображает, что он сильнее всех. Он даже фыркает и ворчит, когда долго и громко выбивает трель лапками по барабану. Мой прием – трусообман – помог ввести зайца в заблуждение.

С помощью трусообмана мне удалось превратить кроткого, любвеобильного голубя в свирепое животное, которое, видя мою удаляющуюся руку, яростно набрасывается на нее, бьет крылом, рвет кожу на руке клювом...

Пользуясь этим же методом, я навсегда примирил кота с крысами и заставил их жить в одной клетке и есть из одной кормушки.

Подобными же приемами я волка и козла сделал закадычными друзьями, а впоследствии, на арене, показывал интересное зрелище, где за общим столом, плотно касаясь друг друга, восседали за пиршеством: лиса, петух, орел, медведь, свинья, козел и собака.

В охоте рефлекс преследования играет доминирующую роль, но надо научиться использовать его для вашей цели, с помощью хотя бы того же трусообмана.

Самая трусливая собака после соответствующей подготовки может быть приучена преследовать любого зверя. Чем она хуже или лучше голубя, бросающегося на человека, или крысы, приученной нападать на кошку?

Перечисляя основную элементарную методику дрессировки собаки, я должен несколько слов сказать еще об одном условии, которое в высшей степени облегчает работу, и при котором все внушаемые животному приемы приводят к наиболее благоприятным результатам.

Условие это – domestикация, о которой я вскользь уже говорил, одомашнивание, которое постепенно приводит к обезволиванию животного и делает его послушным исполнителем воли хозяина.

Доместикация есть длительное приучение животного к человеку, благодаря чему происходят очень существенные изменения в его психике, помогающие в дрессировке.

Понятно, что для одомашнивания самое лучшее, когда собака, в первый раз открывая глаза, видит ту обстановку, в которой ей придется провести свою жизнь.

С собаками я поступал так. Если у суки имелось несколько щенков, то ради сохранения здоровья самки я с трехнедельного возраста начинал прикармливать щенят с руки. Если же

сука имела одного или двух щенков, то я начинал применять повадо-приманку на пятой неделе их жизни. Повадо-приманку я сопровождал звуком чмокания, напоминающим щенкам сосание молока. Этот звук впоследствии переходил в короткий, похожий на воздушный поцелуй, общепринятый призывной звук для собаки.

Чмокание с присасыванием было первым звуком, который щенок слышал от самого себя, и звук этот был ему знаком раньше всех других звуков. И вот этот самый звук устанавливал рефлекс со вкусовым ощущением, и это заставляло щенка идти на повадо-приманку.

Первая в жизни собаки слуховая ассоциация остается у животного до конца его жизни, если она вначале умело закреплена, как условный рефлекс.

Но часто получается обратное. Щенка подзывают к себе чмоканием, протягивают к нему руки, а пищи не дают. В результате щенок после нескольких таких обманов перестает реагировать на призыв, и люди тотчас приписывают ему ряд отрицательных качеств: тупость, упрямство, нелюдимость, в то время как причина лежит в их собственной тупости.

Итак, возьмите, пожалуйста, себе за правило: если вы подзываете к себе щенка призывным звуком или жестикуляцией, обязательно, как только он к вам подойдет, давайте ему вкусопоощрение. Если он не идет почему-либо на зов, во что бы то ни стало добейтесь, чтобы он подошел. Это и есть начало воспитания с помощью обезволивания, причем, я под «обезволиванием» разумею постепенное подавление, организацию и направление к определенной цели воли животного, а в понятие о доместикации (одомашнивание) включаю целый ряд обстоятельств: акклиматизацию, привычку к запахам, подавление инстинктов и полное приручение длительным воспитанием.

При звуке знакомого чмокания для щенка может ассоциироваться и какое-нибудь соответствующее слово, например, «ко мне», «сюда». Если щенок продолжает упорствовать, слово это должно перейти из призывного звука в твердое приказание, и надо настойчиво повторять его разными интонациями до тех пор, пока щенок не подойдет к вам.

Если щенок подойдет неохотно и откажется от пищи, все-таки надо ласковым поглаживанием и словом «хорошо!» поощрить его, выразить одобрение, закрепить движение и на некоторое время оставить в покое.

Впрочем, иногда приходится пользоваться механическим воздействием, но предупреждая: применять его нужно лишь в исключительных случаях и с большой осторожностью, стираясь совершенно избежать болевых ощущений.

Допустим, собака уже много раз подходила к вам по первому зову, а потом вдруг заупрямилась, ни с того ни с сего, и после призыва «ко мне!» уходит прочь.

Испробовав все средства обращения непосредственно к психике животного и убедившись, что они не действуют, можно привязать к ошейнику длинную веревку, снова подзывать собаку к себе, и в то время когда она подходит, притягивать осторожно ее за веревку. Животное неохотно, слегка упираясь, все-таки подойдет к вам. И тут вы опять дайте ему удвоенную порцию лакомства и поощрите лаской и успокоительными словами. Повторяю: к такой мере следует прибегать только в случае исключительного и, по-видимому, ничем не вызванного упорства, и по возможности – без боли.

Весь процесс такого механического воздействия совпадает с мерами, допускаемыми некоторыми «педагогами». Допустим, ребенок закапризничал, отказывается есть и не садится за общий стол. Его насильно тянут за руку и заставляют сидеть за столом. Если ребенок вырывается, то его вопреки здравому смыслу, еще и нашлапывают, чего я не допускаю даже с животными, так как удары в момент дрессировки притупляют сознание животного и действуют совершенно обратным образом, то есть создают рефлекс отрицательного характера: «Если тыходишь к хозяину, то тебе делают больно. Значит, подходить опасно!» – так должна рефлектировать собака, подвергающаяся болевому воздействию. Основное и непреложное в дрессировке – это непосредственное воздействие на психику лаской, интонировкой, жестикуляцией и вкусопоощрением.

Если вам нужно выразить собаке свое порицание или неудовольствие, достаточно издать сквозь зубы долгий звук: «тсс!», не прекращая его, наступать на собаку – страшать ее.

Это впоследствии действует сильнее, чем удар.

Допустим, собака, играя с вами, перешла меру и стала кусаться сильнее, чем это допущено в игре. Вы тотчас же останавливаете ее звуком «тсссс!», а потом и вовсе прекращаете игру. Это порицание впоследствии сыграет громадную роль. У обезволенной собаки короткое «тсс!» сразу меняет настроение, и из веселой она тотчас же становится серьезной, а иногда и угнетенной.

Я знаю случаи, когда этот звук даже у голодной собаки тормозил аппетит, и она бросала есть.

Только в редких случаях это порицание не производит нужного действия, а именно: когда у животного проявляются чувства порядка безусловных рефлексов – чувство страха, полового возбуждения, преследования убегающего.

Это последнее чувство особенно ярко проявляется у чистокровных и полукровных собак.

Возьмем таксу. Как бы она ни была перевоспитана обезволиванием, достаточно ей увидеть крысу, как она теряет всякое самообладание, и никакое «тсс» на нее не действует.

Были у меня две собаки: Запятайка (полутакса) и Пикк (чистокровный фокстерьер). В момент пробуждения инстинкта, они, несмотря на длительное обезволивание, выходили из подчинения и проявляли свою самостоятельность.

Только одна моя дворняжка Бишка во всех случаях при звуке «тсссс» моментально сокращалась и опускала голову, прижимая уши и поджимая хвост.

Дворняжку вообще обезволивать легче, чем чистокровную, породистую собаку, у которой инстинкты приходится буквально ломать усиленной и упорной работой, когда они идут вразрез с желанием и целями человека.

Это лишний раз говорит о том, что и в области охоты дворняжка, если у нее есть для этого данные, может быть использована в самых широких размерах.

Чувство страха, сильных болевых ощущений, полового возбуждения и т. д. – все эти чувства, как бы животное ни было одомашнено, в очень сильной степени мешают дрессировке. Устанавливать в такие моменты сложные сочетательно-условные рефлексы совершенно невозможно.

Главное подспорье в доместикации – постоянное общение с животным, игры, в которых дрессировщик всегда и обязательно должен одерживать верх, что в высшей степени помогает обезволиванию.

Но нельзя и пересаливать. Настаивая на своем, не надо доводить собаку до того, чтобы она теряла рассудок, потому что тогда мы получим все дурные и вредные результаты механической дрессировки. Последняя тоже обезволивает животное, но она настолько подавляет его психику, что ваша собака превращается в машину. Иногда уже о творчестве самой собаки не может быть и речи.

Между прочим, говоря об обезволивании, необходимо указать на то очень важное обстоятельство, что обычно прекрасная слуховая и зрительная память собаки, являясь весьма полезным качеством, одновременно может и помешать при доместикации. Поэтому необходимо, в особенности при установлении сложных условных рефлексов, заставлять животное частым повторением «зазубривать» их вплоть до привычки. Привычка – главное препятствие угасанию условных рефлексов, а потому ею надо очень дорожить и настойчиво внушать ее, терпеливо и систематически, изо дня в день повторяя одни и те же приемы дрессировки до тех пор, пока они, что называется, не войдут в плоть и кровь животного.

Бить или не бить

В вопросе о выборе собаки для охоты, насколько видно из журнальных статей, и отчетов о выставках, пока у нас участвует только одна сторона, а именно – соображения, касающиеся кровности породы. Этому вопросу уделяется главное внимание, он заслоняет собою все остальные вопросы.

А рядом с этим другому, быть может, самому главному, вопросу, касающемуся изучения психики собаки, не уделяется абсолютно никакого внимания. О дрессировке собак трактуется вскользь, да и то только как о системе механического воздействия.

Вот, например, как учит автор Н. А. Приселков ставить собаку на бекаса:

«Часто бывает весной, – пишет он, – что из-под собаки вырвется самка бекаса с гнезда. Позовите сюда собаку, положите «даун», дайте ей обнюхать хорошенько гнездо, не позволяя хватать яйца (крепко зажав рот) и погладьте ученика. Собака, если ей пришло время, от этого быстро поймет, что надо искать бекасов» («Охотник», № 4, 1931 г.).

Будь автор хоть немного знаком с принципами рефлексологии, он стал бы рассуждать и учить совершенно иначе. Надо ли говорить о том, что насильственное зажимание рта ничего не оставит у собаки, кроме чувства боли. А когда ей освободят рот, она преспокойно съест яйца.

Затем, что это должно обозначать: «собака, если ей пришло время, поймет, что надо искать бекасов». Здесь дрессировка сводится к каким-то случайностям, к таинственным процессам; собаке присваиваются какие-то не существующие в природе свойства.

И все это является в результате идеалистического подхода к делу и полного незнакомства с данными современной науки о высшей нервной деятельности у животных.

Совсем уже никуда не годным является рекомендация при дрессировке грубого насилия над собакой.

Тот же автор пишет:

«Одновременно со взлетом птицы, если нужно, дерните за веревку, потом даже можете прибавить хлыст, в зависимости от темперамента ученика».

И в другом месте: «С мягкими собаками и обращение должно быть мягким, осторожным. Со смелыми и упрямыми животными можно поступать смелее и энергичнее».

Н. И. Яблонский и А. П. Ивашенцев в своей книге «Воспитание, дрессировка и натаска легавой» рекомендуют хлыст в самых разнообразных случаях.

«Обучение, конечно, не обойдется без наказания, – пишет Ивашенцев. – Наказание должно состоять из одного-двух ударов хлыста, более или менее сильных, смотря по вине и по возрасту собаки».

Н. И. Яблонский развивает целую теорию хлыста. Он говорит в своей книге:

«Несмотря на всю мою жалость к питомцу, я наказываю его, отлично зная, что это наказание принесет одну только пользу. Но в то же время я придерживаюсь того мнения, что лучше совсем не наказывать собаку, нежели наказать ее как-нибудь слегка. Поверьте мне, что легкое наказание в виде нескольких мазков плетью по спине всегда послужит собаке только во вред. Лучше ударить ее раз, но зато так, чтобы она надолго запомнила».

В другом месте, говоря об упрямых собаках, автор пишет:

«Ваша настойчивость, а в крайних случаях парфорс и хлыст сломят упрямство вашего ученика. Если же вам попался очень упорный щенок, тогда имейте при уроках плетку и, не стесняясь, хлестните его побольней, раз он отказывается исполнить приказание. Что вы делаете без плети с таким уродом, который отлично же понимает, чего вы от него требуете, и вдруг ни с того, ни с сего заупрямится... Тут я не стесняюсь и отпускаю ему один-два чувствительных удара плетью».

А вот как Яблонский учит приучать щенка к своему месту:

«Возможно строже крикните своему воспитаннику: «На место!». Если он не слушает вас, то возьмите его за шиворот и оттащите на постель. Понятно, сразу щенок не сможет понять, что вы от него требуете, и сходит с постели. Тогда попробуйте, повторяя опять «на место!», хлестать его плетью. Если же и это не подействует, и щенок все еще будет упорствовать и не уляжется, тогда, хлестнувши его еще раз, посадите на цепочку...».

Перечисляя необходимые для дрессировки предметы, Яблонский называет: ошейник, плеть, парфорс (толстый ремень с набитыми внутри гвоздями), чок-корда, прикол... Без этих орудий пытки автор не мыслит себе обучения собаки!

А я утверждаю, что всякое насилие, всякая боль, с какой бы благой целью они не причинялись, приносит только вред при дрессировке. И эти инквизиционные меры становятся совершенно бессмысленными и ненужными, когда вы дрессируете, пользуясь применяемыми мною всю жизнь методами установления эмоциональных рефлексов. Любого, самого упрямого и непонятливого щенка; можно в несколько приемов приручить к своему месту, одной только лаской и вкуспоощрением.

В другом месте я подробно остановлюсь на зловещей роли хлыста в деле дрессировки собаки, а пока мне хочется только отметить и горячо приветствовать автора другой статьи в том же журнале «Охотник» (№ 4, 1931 г.) Ф. А. Лялина: «Плеть – в область предания», в которой автор говорит:

«Как ни печально, надо сказать правду: долго придется еще слышать нам на болотах и лугах отчаянный вопль бедного пса не только от жестокосердия своего хозяина, но и просто от его неумения и незнания того, что именно следовало бы требовать от своего пса. Но надо забыть, что существует в природе плеть, а тем более палка. Тот дрессировщик, который бьет собаку за то, что она не исполняет непонятных ей приказаний, заслуживает сам подобного наказания... Ласковое, нежное поглаживание вашей руки подбадривают ученика к скорейшему усвоению урока...».

Призыв Ф.А.Лялина совершенно справедлив и своевременен. Но он может остаться гласом вопиющего в пустыне, если мы вместо плети, вместо системы механического воздействия не дадим дрессировщику в руки единственно правильные методы, основанные на установлении эмоциональных рефлексов, на изучении психики животного.

На одном ласковом поглаживании далеко не уедешь.

Долой второй удар!

Я бы хотел сказать: долой и первый удар плетью, нанесенный животному. Я хочу сказать, что вообще животное бить нельзя, но боюсь, что мне не поверят. А между тем, нет и не может быть у зоопсихолога сомнения в том, что чем больше мы бьем животное, тем меньше оно нас слушает. И эта истина не нова, ее все чувствуют, но никто никогда серьезно над ней не задумывался, не разработал эту мысль, не обосновал ее научно.

А надо добиться того, чтобы лучи науки проникли не только в головы ученых, а и в головы наших охотников, дрессировщиков, извозчиков, погонщиков скота, конюхов, всего на-

шого многомиллионного крестьянства, имеющего постоянного соприкосновения с животными.

Вы знаете, как лошадь да и всякое не забитое животное чутко относится к малейшему движению человека, управляющего ею. Она видит все его движения, часто угадывает его намерения.

Если лошадь еще не забита вконец, то бывает достаточно нагнуться за кнутом, как она уже ускоряет свой ход.

На юге крестьяне, отправляясь на буйволах, берут с собой кнут, на конце палки которого висят звенящие кольца. Крестьянин когда-то ударял сильно буйвола и в момент удара, в момент ощущения боли от удара – гремели эти колечки. Звон их ассоциировался с болью от удара. И вот теперь крестьянину достаточно позвенеть кольцами, как буйволы уже начинают усиленно тянуть. Условный рефлекс!

Часто мы видим такого рода явления. Например, вы садитесь в пролетку извозчика. Он ударяет лошадь кнутом или вожжей. Лошадь бежит вперед.

Но вот извозчик через несколько секунд привстает и ударяет вдогонку второй раз.

Вот этот-то второй удар кнутом впоследствии и играет трагическую роль. Стоит повторить несколько раз такой прием, и лошадь, пробежав после первого удара некоторой расстояние, останавливается в ожидании второго удара. Удар за ударом сыплются на нее, она то рвется вперед, то останавливается. Начинается «задергивание» лошади вожжами. Она пятится назад.

В конце концов, после целого ряда бессмысленных действий со стороны извозчика лошадь перестает совершенно реагировать на удары. И часто мы видим, что упавшая лошадь, которую бьют и кнутом, и вожжей, и ногами, даже не пошевелит ухом.

Каждое раздражение дает ответ. Удар по лошади заставляет ее бежать.

Удар – раздражение, убежание – ответ.

Но если одновременно раздражать и ударом, и словами, крича «но», то лошадь будет впоследствии и без удара бежать вперед при одном звуке «но». Звук-слово раздражает слух лошади, и слово «но» или какое-либо другое слово, повторенное несколько раз при каждом ударе, является вторым раздражителем и действует на ответ животного так же, как и первый раздражитель – удар.

То же самое получается и в других случаях. Например, вы в первый раз ударяет лошадь, а потом, в следующий раз, уже только поднимаете кнут, не ударяя им. Поднятие кнута есть также второй раздражитель, уже зрительный, на который лошадь отвечает тем, что начинает бежать.

Лихачи делают так: они, когда хотят, чтобы лошадь бежала скорее, сильно натягивают вожжи и удилами причиняют сильную боль лошади. Это натягивание вожжей есть раздражитель, а ответ на него – стремление лошади убежать от боли. Затем кучер, когда лошадь прибавляет ходу, несколько отпускает вожжи, ослабляет боль, чем и подкрепляет ответ на раздражение.

Это – такой же раздражитель, как и кнут, и ответ отражение получают одинаковые.

Первые шаги дрессировщика

Проповедники и практики механической дрессировки собак, смотрящие на животное только как на машину, должны быть отнесены к разряду так называемых механистов, упрощенцев, недалеко ушедших от той точки зрения «что кошки были созданы, чтобы пожирать мышей; мыши – чтобы быть пожираемыми кошками, а вся природа – чтобы доказать мудрость творца» («Диалектика природы», Ф. Энгельс, стр. 112).

Они не понимают того, что собаки «созданы» вовсе не специально для того, чтобы охотиться с человеком на зверей, но человек в стремлении завоевать и переделать природу воспользовался подходящими качествами собаки и приспособил ее для охоты.

Нужно ли доказывать, что охота в обстановке натурального хозяйства – это совсем не то, что охота в обстановке современного государства охота обобщественного сектора. Человек первобытных времен приспособил собаку для нужд охоты, но он не пошел дальше примитивного использования ее врожденных инстинктов (безусловных рефлексов), заложенных в животном, когда-то самостоятельно охотившимся ради борьбы за существование.

У современного охотника методы приучения собаки к охоте должны быть совсем другие, технически несравненно более высокие.

При наших обширнейших знаниях в области естественных наук мы уже не можем, не имеем права глядеть на собаку только, как на машину, реагирующую на прямые механические воздействия.

Мы должны теперь усвоить ту непреложную истину, что организм животного, в том числе и собаки, есть чрезвычайно сложное, диалектическое целое, заключающее в себе единство противоположностей.

«Растение, – пишет Ф. Энгельс («Диалектика природы», 13), – животное, каждая клетка, каждое мгновение своей жизни тождественны сами с собой и в то же время отличаются от самих себя благодаря условию и выделению веществ, благодаря дыханию, образованию и умиранию клеток, благодаря процессу циркуляции, словом, благодаря сумме непрерывных молекулярных изменений, которые составляют жизнь, и итог которых выступает наглядно в разных фазах жизни – эмбриональной жизни, молодости, половой зрелости, процессе размножения, старости, смерти».

Сторонникам различных идеалистических направлений в философии, технике и экономике, сложившим «китайскую стену» между человеком и животным миром и в конечном счете обожествляющим человека, стоит внимательно прочитать другую главу из «Диалектики природы» («Роль труда в процессе очеловечения обезьяны»), в которой Ф. Энгельс совершенно ясно указывает что животные обладают интеллектом (умом), памятью, хитростью, вкусом, переживаниями и прочим, правда, в менее развитой степени, нежели человек. В ма-

териальной основе между человеком и животным миром существует, таким образом, некая психо-физиологическая однородность. Вследствие этого человек и животное являются объектами естественно-биологических наук.

Но в чем же мы находим характерный признак человеческого общества, отличающий его от стада обезьян? И Энгельс на этот свой вопрос отвечает: «В труде», в создании и пользовании орудиями труда.

Психология людей – их сознание, формы эмоциональности – основывается на общественном производстве, вне которого нельзя мыслить себе человека, его поведения. Условиями социально-производственной жизни люди и отличаются от животных, которые, будучи «одомашнены», создаются уже в результате человеческого воздействия на них.

С точки зрения общественных наук животные должны рассматриваться как орудия и средства производства, а люди – как организаторы социально-производственной жизни с ее особыми законами развития в разных общественных формах. Производство (хозяйство), науки, искусства являются результатом человеческой деятельности по овладению естественными богатствами природы, причем роль домашних животных по циклу социально-экономических наук изучается с точки зрения их значения как орудий производства. Вот почему совершенно неправильно пишут многие авторы в охотничьей литературе будто «наряду с хищными животными человек является самым опасным врагом промысловых птиц и зверей». Этим самым авторы смешивают вопросы биологии и социально-производственных наук.

Так обстоит вопрос о единстве психо-физиологической природы человека и животного и размежевании человеческого общества и животного стада.

Под этим углом зрения надо понимать различие в вопросах общественного воспитания человека и дрессировки собаки.

Заканчивая на этом мое вступление, относящееся к первым шагам дрессировщика, приступаю к практическим указаниям о том, как необходимо начать свою работу с собакой, которую вы намерены дрессировать для охоты.

Всякий дрессировщик, в том числе и дрессировщик охотничьей собаки, ставит себе задачей: приучить животное по данному сигналу производить какое-нибудь нужное действие.

Мой метод дрессировки, основанный на установлении эмоциональных рефлексов, сводится к трем основным моментам.

1. Надо так или иначе (однако, не прибегая к болевому, механическому воздействию) заставить животное сделать необходимое вам движение или выждать, когда оно само сделает это движение.

2. Сделать так, чтобы это движение было связано для животного с ощущением удовольствия, с ощущением приятного чувства.

3. Одновременно с этим движением дрессировщик дает тот или иной сигнал: звуковой (слово, свист), световой, жестикуляция и т. д.

Стоит одно и то же движение, сопровождаемое двумя последующими моментами (удовольствие-сигнал), проделать совершенно одинаково несколько раз и вы увидите, что у собаки образуется так называемая «ассоциация по смежности» или сочетательный рефлекс».

Психический процесс в этом случае будет таков. «Мне дали такой-то сигнал (свистнули), при этом я залаяла, и в результате получила кусочек вкусного вареного мяса». В дальнейшем она неизменно при каждом вашем свисте будет лаять, чтобы получить мясо.

Преимущество этого метода, кроме гуманности, заключается также и в том, что он совершенно не подавляет психику животного и, наоборот, приводит ее в активное, повышенное состояние, ведущее за собой естественный позыв к повторению действия и к новым сочетаниям их – творчеству, которое у животных так же, как и у человека, тоже есть не что иное как новые и удачные сочетания из условно-эмоциональных рефлексов и из безусловных рефлексов – сочетания, возникающие под влиянием тех или иных воздействий внешнего мира.

Условимся на том, что всякое явление внешнего мира при соответствующей обстановке может стать раздражителем и сделаться толчком, поводом для отражения новых и новых соединений из элементов условных и эмоциональных рефлексов.

Шум, свет, запах, тепло могут вызвать торможение и растормаживание старых рефлексов, возникновение новых и даже перегруппировку, новое размещение, новую комбинацию из старых рефлексов (условиях или безусловно). Наконец, эти раздражители могут вызвать у животного к жизни такие новые рефлексы, которые соединятся с элементами рефлексов уже имеющихся.

Такие соединения и новообразования бывает очень трудно поймать, обнаружить и объяснить. Но если вы привыкли у животному и некоторое время его изучаете, для вас уже легче будет проследить всю эту механику, идя, что называемся, от колесика к колесику, от рычага к рычагу.

Вот, например, в течение почти восьми месяцев я регулярно наблюдал поведение одной моей высокоодаренной обезьяны рода шимпанзе, которую звали Мимус.

Приведу только два примера из его поведения, чтобы можно было понять, как у животного под влиянием внешних раздражителей происходит соединение элементов одного рефлекса с элементами другого и в результате образуется нечто новое, именно то, что я склонен называть творческим актом.

Мимуса привезли ко мне в цирк в клетке, стоящей на колесах. Он, сидя в клетке, видя меня, очевидно, хотел ко мне приблизиться, познакомиться со мною. И совершенно случайно сделал движение своим туловищем вперед. И клетка вместе с ним на полшага во мне подкатилась. Мимусу это понравилось. Это было то, что ему требовалось.

Спустя некоторое время, когда Мимус был уже готов для циркового выступления, я, запомнив предыдущий момент, приучил шимпанзе садиться в тележку и предложил ему скачиваться по доскам с возвышенной платформы. Мимус, зная предыдущий опыт, очень быстро научился раскачивать эту тележку в направлении покато лежащих досок, и в результате это ему, наконец, удалось без всякого труда, и он начал весьма охотно проделывать свой номер. После этого он пользовался тем же способом, сидя за столом, в креслице или на диване, когда ему нужно было вместе с местом, на котором он сидел, передвигаться вперед.

Однажды Мимус сел на круглый вращающийся стул у рояля. Сделав одно толкательное движение, он тут же заметил, что стул под ним повернулся. Это ему, по-видимому, понравилось, и он стал вращать стул, не только сидя на нем, но и сойдя с него – руками.

В следующий раз, подойдя к велосипеду, лежащему на полу, и увидев круглое очертание колеса, Мимус сразу же принялся вертеть колесо с таким видом, будто он имел дело с хорошо известным ему предметом.

В этих случаях в нервных клетках Мимуса образовалось сочетание ряда элементов различных условных и эмоциональных рефлексов, а в результате их получился новый акт, который я называю творчеством. Приведу еще один пример.

Той же обезьяне – Мимусу – понадобилось заказать теплую обувь по случаю наступивших холодов. У нее начался насморк. Пригласили сапожника, и тот, чтобы снять мерку, поставил лапу обезьяны на бумагу и обвел контур лапы по бумаге карандашом.

Как известно, подошва ноги и места около пальцев приятно раздражаются (тактильным раздражением кожи) от прикосновения, и это раздражение сопровождается приятными эмоциями (чесание пяток в старину).

У Мимуса тотчас же установился эмоциональный рефлекс на почесывание пяток и пальцев с помощью карандаша. Он сам стал делать движения карандашом вокруг ступни, и в результате у него установился рефлекс плюс круговое движение вокруг ноги. Этот рефлекс мне удалось перевести на ладонь и, наконец, Мимус начал сам карандашом на бумаге чертить закругленные линии, сходящиеся концами. До этого он мог рисовать только прямые линии. Прямая линия и окружность есть в сущности все, что требуется в качестве элементов для создания рисунка.

И вот я имею сейчас в своем музее, как наследство от погибшего Мимуса, – редчайшее

произведение искусства – его рисунок, изображающий человека с длинным носом, с большой головой и с маленькими ножками и ручками, – так, как рисуют «человечков» дети.

Не тем ли путем – сложным сочетанием условно-эмоциональных рефлексов – шел первобытный человек перед тем, как сделать величайшее изобретение в области механики, поставившее на ноги всю, в том числе и современную технику, – создать первое колесо.

Это, конечно, примеры грубые, но в качестве схемы они дают наглядное выражение моей мысли.

Однако мы в практике зоопсихологических наблюдений имеем указания и на более тонкие переключения элементов условно-эмоциональных рефлексов.

Например, ряд таких рефлексов у собаки (потягивание, почесывание живота, чихание, выражение радости или угнетения) может измениться под влиянием той или иной температуры. При сильной жаре собака видоизменяет зевоту. Нарушителем этого акта является слюна, стекающая с языка и являющаяся у собаки, как известно, заменой процесса потоотделения. Холод может затормозить потягивание, вызывая дрожь, озноб.

Переедание или недоедание также являются важными стимулами для перегруппировки рефлексов.

Итак, мы видим, что приспособляемость как бы заложена и самой природе животного в его рефлексах, в их соединениях, а, следовательно, и в творчестве, которое направлено диалектически к овладению силами природы, к приспособлению к ней, к защите.

По преданию падающее яблоко натолкнуло Ньютона на открытие закона всемирного тяготения, а качающаяся люстра дала повод Галилею открыть законы качания маятников, то есть овладеть сокровенными тайнами природы, так принято говорить.

Понятно, что в мозгу этих людей не произошло никаких сверхъестественных движений, а имело место то переключение, тот переход количества явлений (рефлексов) в качество (творческий акт), о котором мы только что говорили.

Основным выводом из этого является для нас следующее:

Чем больше возникает рефлексов у животного, в частности у охотничьей собаки, тем больше прокладывается рефлекторных путей у нее в мозгу, тем больше можно иметь надежды на то, что у нее возникнут такого рода переключения, которые дадут вам возможность довести ее работу в поле, во время охоты до совершенства, если только вы сумеете воспользоваться этими переключениями, по-настоящему закрепив их.

Вот поэтому-то я считаю совершенно неправильным утверждение большинства авторов и практиков-охотников насчет того, что охотничью собаку во время дрессировки необходимо строго ограничить специальным кругом необходимых для данной охоты действий и не учить ее «никаким таким штукам».

Обучая охотничью собаку некоторым «таким штукам», мы тем самым развиваем ее творчество, расширяем, если можно так выразиться, ее кругозор, обогащаем ее в смысле накопления тех или иных рефлексов и тем самым делаем ее более податливой, универсальной, действенной в «производстве» – на охоте.

Нужно ли, например, обучать охотничью собаку стоять на задних лапах?

Я полагаю, что нужно. Бывают случаи, когда во время охоты, помимо чутья, собаке необходимо увидеть цель своего стремления, а она в это время бежит по высокой траве. Встав на задние лапы, собака сразу очень значительно расширяет горизонт своего наблюдения.

Питекантропос (доисторический человек), встав с помощью палки на задние ноги, впервые должен был почувствовать себя сразу в огромной степени культурно выросшим.

К этому можно прибавить следующее охотничье соображение, наверное, известное очень многим охотникам-промысловикам. Для того, чтобы выследить белку, необходимо, чтобы лайка ее облаяла. Но если она ее облаивает, прикасаясь к дереву, упираясь передними лапами на ствол сосны или пихты, то это дает повод для белки очень быстро убежать от преследования.

Если же лайки, вынужденная глядеть на верхушку дерева, где ютится белка, умела бы становиться на задние лапы, ее работа была бы гораздо успешнее.

Вернусь к основным методам моей дрессировки.

Самое трудное состоит в том, чтобы заставить собаку сделать то, что нужно, или, вернее, поймать момент, когда она производит требуемое для вас действие. Связать затем это движение с наградой и сигналом уже легко.

Поэтому следует на первом моменте остановиться особенно подробно.

Основным приемом, с помощью которого я заставляю животное делать то, что мне нужно, является жестикуляция.

Жестикуляция – это комплекс таких моих движений, которые наводят животное на нужное для меня действие. Но эту жестикуляцию все время необходимо связывать с наградой: прикармливанием (по моей терминологии – вкусопоощрением), лаской или словесным одобрением.

Таким образом, на практике первый и второй моменты идут рука об руку и в сущности не отделимы друг от друга, так как они составляют одно целое и порознь не могут быть полезными в работе.

Самое главное – это способность почувствовать тот момент, когда нужно применить вкусопоощрение для закрепления рефлекса. Очень часто пропущенный момент сводит на нет все предыдущие успехи.

Почувствовать момент, когда чрезвычайно важно дать вкусопоощрение, подхватить его своевременно, – этому можно научиться не сразу.

Чем больше нервного чутья, тем лучше результаты.

По-моему, приблизительное ощущение момента использования вкусопоощрения можно развить в себе так же, как можно развить, скажем, музыкальный слух.

Жестикуляция обнимает собою очень много всевозможных действий, посредством которых можно заставить животных понять ваше желание. Этот момент представляет собой наибольший практический и теоретический интерес, причем надо сказать, что чем больше животное дрессируется, тем легче оно усваивает новые приемы, тем скорее у него развивается желание понять дрессировщика, и уроки животному начинают доставлять все большее и большее удовольствие.

Тут я должен привести несколько примеров, показывающих, как жестикуляция, подкрепляемая вкусопоощрением и сигналом (я буду называть его «интонировкой»), наталкивает животное на нужное действие.

Каждую охотничью собаку, когда она достигла 3–4 месячного возраста, необходимо начать учить общему послушанию.

Допустим, вы хотите научить собаку садиться. Перед дрессировкой животное не должно быть голодным, но и нельзя брать его на работу вполне сытым, потому что в этом случае вкусопоощрение перестало бы действовать. Надо брать собаку полусытую.

Вы окликаете ее до имени. При этом окрике уши ее поднимаются, она вопросительно смотрит на вас, подходит к вам с немного опущенной головой, готовая к вашему поглаживанию, но, не чувствуя вашего поглаживания, собака смотрит вам в глаза и ждет...

Вы берете кусок мяса. Собака следит за движением вашей руки. Вы держите мясо немного выше головы собаки, так, чтобы она, глядя на него, невольно задирала голову назад. Ей так неудобно смотреть на мясо, и она, в конце концов, невольно садится.

Когда она опускает зад, вы, не спуская с нее глаз, говорите: «Сидеть! Сидеть!..» Зад собаки коснулся пола. Она села и тотчас получила мясо. Ласковое поглаживание по голове довершают действие.

После этого вы, не торопясь, берете в руки другой кусок мяса. Собака встает и, конечно, опять смотрит на вашу руку. Сделайте опять прежнее движение со словом «Сидеть!». Собака, помахивая хвостом, смотрит то на мясо, то вам в глаза. Мозг ее спокойно работает. Она шевелит ушами, слыша одно и то же уже знакомое ей слово: «Сидеть!».

Вы опять делаете движение руки с мясом по направлению к собаке, за ее голову.

Неприятное ощущение у нее в шее опять заставляет ее опуститься на задние лапы, и, когда она делает это, ей снова дается мясо.

После нескольких таких приемов собака будет быстро и охотно садиться при слове «сидеть!» (условный эмоциональный рефлекс).

Прибавлю к этому, что она будет это делать даже не только после слов, но также и при любом шуме, в том числе и, при том шуме или звуке, который сам человек слышать не может (свисток Гальтона; о нем я буду вести речь впереди). И совершенно не требуется для этого причинять собаке боль нажимом пальцев на крестец, как это рекомендуют почти все дрессировщики, не учитывая того, что болевое ощущение у животного только тормозит, задерживает установление условного рефлекса, так как животное не может охотно и беспрекословно выполнять то, что связано с болью и с воспоминанием о боли.

Сперва слово «сидеть!» надо произносить с одной и той же интонацией. А потом эта интонация делается уже ненужной, так как собака начнет воспринимать слово как таковое, сознательно и навсегда.

Память у собак удивительная, в особенности слуховая.

Замечу кстати, что со вкусопоощрением надо быть очень осторожным. Давать его надо как раз в тот момент, когда животное выполнило ваше приказание. Если вы опоздаете – у собаки не будет уже связи со сделанным движением и ощущением удовольствия от полученного лакомства.

А особенно надо быть чутким со вкусопоощрением в дальнейшей дрессировке: когда вам надо будет ловить нужное движение животного, вовремя подчеркивать его интонировкой и закреплять в сознании жестикуляцией или вкусопоощрением.

При моем способе при условии уравновешенного состояния психики собаки и дрессировщика, в изолированном месте, где нет никаких отвлекающих моментов, можно добиться большой передачи в психику животного требований дрессировщика.

Свисток Гальтона

Говоря об установлении условного рефлекса у дрессируемой охотничьей собаки путем внешнего раздражителя – звука, я до сих пор приводил только методы пользования голосом, словами, связанными с интонировкой, искусственными звуками, производимыми различными инструментами (свисток, рояль и т. п.), и условным звукоподражанием (чмоканье, «тссс» и пр.).

Надо признать, что все эти звуки-раздражители, воздействующие на необычайно чуткий орган слуха у собаки, отличаются большим техническим несовершенством и произвольностью. Пользование некоторыми из них в обстановке охоты, в поле иногда бывает прямо неудобным и приводит к нежелательным результатам. Громкий окрик, обращенный к собаке, может испугать зверя. В нервной обстановке охоты очень трудно интонировать приказ так, как этого хотелось бы. Да, наконец, и сама собака, возбужденная поиском, невнимательна к

неразборчивым сигналам и способна реагировать только на совершенно точные и хорошо знакомые звуковые раздражители, вызывающие прочно закрепленный рефлекс.

И вот тут-то у нас возникает вопрос о механизации охотничьих сигналов.

Мысль эта, конечно, не новая. Она уже давно находила свое применение в призывных звуках охотничьего рога, которым сзывались собаки, затравившие зверя, во всевозможных свистках, хлопушках и звуках холостых выстрелов, которые должны так или иначе воздействовать на собак.

Однако не следует забывать, что во всех этих сигналах очень много эффекта и очень мало здравого смысла. Ведь звери и птицы, наслушавшись такой «музыки», тотчас постараются убраться куда-нибудь подальше от облюбованных охотниками мест.

А бывает и так, что во время выслеживания зверя одна хрустнувшая под ногою ветка способна встревожить чуткое животное и заставить его пуститься в бегство.

Все это говорит за то, что в интересах более продуктивной охоты механический звуковой сигнал должен быть очень тихим, а еще лучше – совершенно не слышимым.

Вы можете спросить меня: как же это так – звуковой сигнал и... не слышен?

К счастью, в огромном арсенале технических изобретений человека на самом деле имеется такой свисток (сконструированный физиком Гальтоном), звук которого не всегда улавливается человеческим ухом.

Постараюсь описать устройство этого свистка.

Основанием его служит обыкновенный свисток, имеющий вид тонкой металлической трубки с вырезанным на конце ее обычным отверстием, где воздух ударяется об острое ребро выреза и начинает звучать (сравните: милицкий, спортивный свистки, детские деревянные дудочки). Воздух в этот свисток нагнетается резиновой грушей, вплотную прикрепленной к одному концу трубочки.

На другом ее конце навинчен колпачок-регулятор, который путем внутреннего винтового устройства изменяет находящуюся в нем резонирующую, усиливающую, миниатюрную, как бы органную, трубу и тем меняет высоту тона. Вы нажмете грушу – свисток свистит, но вы его не слышите, даже держа около самого уха.

Вы понемногу отвинчиваете колпачок, который вращается по вертикальным и горизонтальным делениям. Зарубка колпачка проходит через первое, второе, третье... шестое, седьмое деление. Свисток свистит под нажимом груши, но вы продолжаете его не слышать – зарубка становится, допустим, на девятое деление, вы приближаете свисток к уху, нажимаете грушу и с большим трудом начинаете различать какой-то едва уловимый звук, похожий на шипение.

Итак, восприимчивость вашего органа слуха определяется цифрой 9 по Гальтону.

Остроумно построенный физиком «слухомер» точно определил степень восприимчивости вашей барабанной перепонки, как термометр определяет температуру воздуха.

У разных людей разный слух. У одного человека левое ухо может слышать хуже, чем правое. Слуховые способности можно в известной степени изодрать, усилить путями длительного упражнения. Между прочим, охотники-промысловики, проводящие добрую половину своей жизни в поле и в лесу и в течение многих часов ежедневно напрягающие свой слух до предельной возможности, слышат гораздо лучше, чем жители городов, люди редко выходящие из помещений, где ничто не заставляет особенно внимательно прислушиваться.

Собака, в особенности некоторые виды ее, в том числе и дворняжки, обладает слухом несравненно более тонким, чем человек. Иными словами, она слышит многое такое, что никогда не будет доступно слуху человека.

Собака слышит многие неслышимые нами звуки насекомых или звук падающих на пол пылинок. Мы уже сейчас определенно знаем, что многие собаки различают одну восьмую музыкальной ноты, в то время, как средний человек, да и то далеко не всякий, различает только одну четверть тона.

Мало этого. Собака, как и человек, обладает способностью из тысячи разнообразных

звуков выделять тот, который ее почему-либо интересует.

Ваш пес лежит в углу на тюфячке и дремлет, спокойно опустив уши. Через открытое окно в комнату доносятся стук колес, гудки авто, звонки трамваев, стук шагов пешеходов, лай собак, гудение телеграфных проводов, чириканье воробьев, шелест ветра, цоканье лошадиных копыт, хлопанье дверей и т. д. и т. д. Вы сидите за столом с приятелями. Идет разговор разными голосами и интонациями. Стучат ножи и вилки, звенит передвигаемая посуда. Поет свои рулады потухающий самовар. Мухи с жужжанием выются около оконного стекла. Скрипят стулья, шаркают ноги по полу... Пес дремлет, и ни один из этих звуков не волнует его.

Но вот в комнату на бархатных лапках неслышно вошел кот, вскочил на подоконник, размечтался под горячим солнцем и завел свою однообразную, еле слышную песенку.

Одно ухо у вашей собаки поднялось и насторожилось, потом поднялось и другое. Из целого сонма громких и отчетливых звуков изумительно чуткий слуховой аппарат собаки отличил и выбрал тихое мурлыканье кота, и пес сосредоточил на нем все свое внимание.

Теперь все зависит от того: дружен он с котом или нет. В последнем случае звук мурлыканья тотчас разбудит у пса древний инстинкт преследования, он поднимается и сгонит с подоконника своего «извечного врага».

Итак, настроив свисток Гальтона на неслышимость для человеческого уха, вы можете сигнализировать им собаке в самых разнообразных случаях, связанных с охотой. Короче говоря, свисток Гальтона может оказаться в руках охотника универсальным раздражителем для установления всевозможных условных рефлексов, подкрепляемых вкусопоощрением.

Начнем с общего послушания.

Каждая охотничья собака должна неукоснительно исполнять приказ: садиться, ложиться, подходить к хозяину, идти рядом с ним около левой ноги, не трогать положенного около нее корма и т. д.

Все эти движения, произведенные собакой естественным образом без применения к ней физического насилия, пойманные и зафиксированные дрессировщиком с помощью вкусопоощрения, могут быть закреплены в качестве условного рефлекса звуковым раздражителем в виде так или иначе звучащего свистка Гальтона.

В момент, когда собака начала ложиться, вы дали один короткий свисток и тотчас дали вкусопоощрение. Повторите это несколько раз, стараясь продолжительность звука сохранять все время одинаковой, и скоро ваша собака при одном свистке, уже без вкусопоощрения, будет послушно ложиться.

Для другого движения мы можем давать два-три свистка или один продолжительный. Затем, когда собака привыкнет тонко и четко разбираться в звучаниях свистка, вы можете для разных движений настраивать его на различную высоту тона, пользуясь имеющимися у свистка делениями. Допустим, на свист при пятом делении собака приучится подходить к вам, при восьмом делении – лаять, при десятом – отходить от пищи и т. д.

Переходя к работе в поле, вы также можете самым широким и разнообразным способом пользоваться свистком Гальтона. Один характер звука закрепит условный рефлекс на поиск дичи, другой – на стойку, третий – на анонс.

Мои подопытные собаки Марс (немецкая овчарка) и Рыжка (нечистокровная колли) в результате очень непродолжительной дрессировки по неслышиму человеку свистку делали целый ряд разнообразных движений, гораздо более сложных, чем те движения, которых мы добиваемся у охотничьей собаки.

Это дает мне право утверждать, что свисток Гальтона может и должен оказаться незаменимым орудием руководства поступками собаки во время охоты как возбудитель условных рефлексов.

Возможно вооружение охотника свистками Гальтона разной тональности, что даст простор для еще большего разнообразия сигналов.

Свисток Гальтона очень портативен. Вы сможете заставить его звучать, даже не вынимая из кармана: грушу можно нажать одним нажимом ладони на карман.

Свисток может находиться в вашем боковом кармане и у пояса, где вы заставите его звучать легким и быстрым нажимом руки.

Совершенно не обязательно пользоваться научными, дорогостоящими и сложными по конструкции свистками Гальтона для того, чтобы производить сигнальные шумы разной силы и тональности при дрессировке и натаске охотничьей собаки. Можно обзавестись обыкновенными резиновыми грушами с мягкими наконечниками. Выпускаемый ими при нажатии воздух дает звук почти неслышимый человеку, но прекрасно улавливаемый собаками.

5–6 таких груш, привязанных к поясу охотника, обеспечат его всеми необходимыми сигналами для руководства поведением собаки.

Могут возразить, что такого рода еле слышные звуки будут заглушены в поле или в лесу природными шумами: шумом листвы, пением птиц, шумом ветра. Это предположение неосновательно.

Я проделывал со своими собаками, не отличающимися особенным слухом, опыты со свистком Гальтона, причем умышленно заглушал звук свистка оглушительным треском игрушечного пулемета, игрою на рояле, криком попугая и т. д. И собаки великолепно «отбирали» среди этого грохота необходимый им, устанавливающий рефлекс звук «неслышного» свистка, находящегося к тому же у меня в кармане.

Другие возражают против применения во время охоты свистка Гальтона, говоря, что, будучи не слышимым для человека, он будет слышен дичью, преследуемым зверем.

Совершенно верно: есть полное основание думать, что этот свист будет восприниматься слухом бекасов, белки или медведя.

Но ведь для них это будет один из многочисленнейших шумов, наполняющих лес и поле, где на разные лады поют и свистят птицы, жужжат шмели, мухи, стучат дятлы, шуршат падающие листья и т. д.

Но только для дрессированной охотничьей собаки шум свистка Гальтона будет значительным и отмечаемым, ибо только у нее установлен на него условный рефлекс. Для зверя же это будет один из многих звуков в природе, не являющихся угрожающими, не заставляющих настораживаться, а возможно и не слышимых вовсе.

Я продолжаю утверждать, что свисток Гальтона в смысле технического вооружения охотника-промысловика может оказать громадную пользу при дрессировке и произвести целую революцию в области сигнализации: без криков, без жестикологии и прочего.

Дрессировка на основе установления условных рефлексов с помощью этого звукового сигнализатора приобретает особую эффективность и разнообразие при исключительной простоте

С теми же методами – в поле

Вот как в коротких словах старые охотники описывают первые моменты натаски молодой собаки на дичь.

«Охотник пришел на болото, где он раньше разбрасывал кусочки мяса и заставлял собаку их отыскивать и съедать. Собака отпущена от ноги, немного полежала, чтобы успокоиться. Затем ее посылают на поиски, привязав к ее шее сворку. Неопытный пес начинает бегать по болоту, думая найти кусочки мяса. Не находит. Подбегает с недоумением к хозяину. Тот движением руки посылает его опять бегать. Наконец, пес почуял запах дичи, замялся на одном месте, взглянул на хозяина, точно недоумевая, не понимая чего-то и требуя разъяснения, глубоко втянул в себя воздух и медленно, осторожно, как бы опасаясь чего-то неведомого, а значит, пока и страшного для него, потянул вперед».¹

После этого к шее собаки, кроме короткой сворки, рекомендуется пристегнуть еще и длинную и приготовить прикол.

Спрашивается: есть ли смысл при первой же натаске в поле ставить молодую собаку лицом к лицу перед «чем-то неведомым и страшным»? Можно ли при таких условиях надеяться, что собака будет действовать совершенно точно, согласно вашим приказаниям, согласно потребности момента? Конечно, нет. Вот поэтому-то автор-охотник, и страхует себя от неожиданности, от неправильных поступков собаки длинной своркой и приколом, т. е. механическим, насильственным воздействием на ученика.

Будь собака подготовлена к поиску определенной дичи заранее, с помощью установления эмоциональных условных рефлексов, не пришлось бы говорить ни о чем для нее «неведомом и страшном».

Правильнее поступать так.

Перед тем, как отправляться с собакой первый раз на поиск, скажем, по дупелям, можно было бы принести домой убитого дупеля, познакомить вашего молодого ученика с его внешним видом и запахом и проделать следующие вещи.

Спрятав убитого дупеля где-нибудь под кочкой на лугу, вы определенным сигналом, которым вы еще раньше установили у собаки условный рефлекс на поиск, понуждаете ее искать спрятанную дичь тем методом, которым вы ее также заранее приучили (широким поиском «челноком»). Собака пускается в поиск. Делает по указаниям вашей руки несколько пробежек вправо и влево и, наконец, схватывает уже знакомый ей (а не «неведомый и страшный») запах. Уловив точно запах, она, естественно, тянет по нему, прямо направляясь к дупелю. Подбегает к нему, останавливается над кочкой... Здесь вы ее другим прочно усвоенным сигналом заставляете остановиться и ждать (сделать «стойку»).

И, разумеется, если вы предварительно, с помощью многочисленных повторений, прочно закрепили у собаки условные рефлексы на даваемые ей сигналы, она без всяких сворок и приколов точно проделает все, что вам нужно, и не подумает бросаться на лежащего дупеля.

А вот как указанный выше автор описывает первую стойку у собаки, дрессированной механическим методом.

«Все медленнее и медленнее подвигается вперед ваша молодая собака... Еще несколько шагов, и ваш любимец замер на первой стойке. Вам некогда пока любоваться этой, хотя и картинной, но робкой стойкой. Поскорее и крепче воткните прикол в петлю на конце сворки и, не спеша, приблизьтесь к вашей собаке, держа в правой руке плетель наготове (!)... Попробуйте теперь со стойки послать вперед вашего воспитанника, только вряд ли вам удастся это. Он очарован этим невидимым, так сильно доносящимся до него, запахом; он и жаждет приблизиться к нему и в то же время боится, боится страшно. Покорный раньше всегда вашей воле, на этот раз ваш ученик положительно отказывается повиноваться слову «вперед» и только вздрагивает от сильного нервного напряжения... Он напуган этим чем-то неведомым» и т. д.

Нельзя отказать этому субъективному, преисполненному антропоморфизма (очеловечения) описанию в известной доле романтичности, но, спрошу я: какой может быть толк от натаски и от всего поведения собаки, если над ней в критический момент нужно держать

плеть, если она находится в состоянии «очарования», страшно напугана «чем-то таинственным» и находится в состоянии сильного нервного напряжения?

Одно можно сказать: что эта молодая собака не подготовлена не только для охоты, но и для натаски. Неправильный метод механической учебы, отсутствие момента обезволения, доместикиции заставляют смотреть на нее, как на совершенно сырой материал, как на правильно дрессируемое животное, испорченное болевыми, механическими воздействиями, затормозившими большую часть случайно и бессистемно закрепленных условных рефлексов.

Ясно, что с такой собакой нельзя выходить даже на натаску... Во всяком случае, много провозившегося охотника-натасчика сможет выручить только глубоко заложенный в собаке охотничий инстинкт. Но, повторяю, инстинкт или безусловный рефлекс – вещь весьма ненадежная, ибо он, как я уже говорил, произволен и не укладывается в рамки практических, преднамеренных действий, к которым мы понуждаем собаку, устанавливая и закрепляя у нее условные рефлексы.

И вот результат, о котором с недоумением пишет тот же Н. И. Яблонский.

«Положительно не понимаю, – говорит он, – чем объяснить такое явление, но сколько я ни видывал подружейных собак, подающих только по приказанию хозяина, а раньше не смеющих даже стронуться с места, все они рано или поздно начинали кидаться после выстрела к упавшей птице и, в конце концов, под старость мяли подаваемую ими дичь».

А дело обстоит совершенно ясно.

Все собаки, с которыми имел дело Н. И. Яблонский, дрессировались механическими, болевыми методами и механически, а не эмоционально, не в порядке закрепления условных рефлексов; усвоенные ими приемы постепенно погасали и преодолевал инстинкт, заложенный в каждой собаке, – инстинкт преследования убегающей, взлетающей или падающей сверху дичи, да к тому же еще такой аппетитной.

Собака, выдрессированная моим методом, будет твердо и категорически останавливаться или ложиться перед сидящей у самого ее носа или сбитой выстрелом дичи и никогда, до конца дней своих, не обзартится, не захочет, не сможет в этот момент броситься на птицу или зверя и схватить его.

Конечно, бывают и здесь исключения. Но все зависит от того, в какой степени удалось вам обезволить животное, в какой мере оно поддавалось этому обезволиванию, насколько вам удалось искусственно переломить у него врожденный инстинкт преследования убегающего.

А самое главное, надо добиться того, чтобы для начинающей собаки в охоте не было ничего таинственного или угрожающего.

Ведь когда на войне впервые ведут отряд навстречу неприятелю, то заранее подробно знакомят каждого молодого бойца с внешним видом врага, с его вооружением, о его методах войны, даже с местностью, где он может находиться и т. д.

Почему же, хотя бы в известной мере, не применить этот вполне проверенный метод к подготовке охотничьей собаки и не дать ей заранее представление о запахе и виде той дичи, которую она должна будет отыскивать в поле? Тем более, что попутно с этим знакомством вы сможете путем установления условных рефлексов через сигналы приучить заранее собаку так или иначе вести себя перед этой дичью. Например, к тому, чтобы она не бросилась после выстрела со стойки и не хватала упавшую птицу, можно приучить ее следующим образом.

Тот же убитый или еще лучше со связанными крыльями живой дупель кладется за кучку земли где-нибудь под деревом. На дерево влезает ваш помощник и держит там в руках веревку, нижний конец которой привязан к дупелю. После поиска собака учуяла дичь, подошла к ней и по данному вами сигналу сделала стойку. Остановившись в нескольких шагах сзади ее, вы делаете выстрел по дупелю, быстро поднятому на веревке вашим помощником и тотчас же брошенному на землю. Ваш выстрел, в порядке заранее установленного условного рефлекса для собаки явился сигналам «лежать» и она тотчас легла. Но, допустим, упавшая перед ней на землю птица заставила ее вскочить и сделать попытку броситься вперед. В этот момент вы даете сигнал «лежать». Если собака покорно ложится, вы даете ей вкусопоощрение, если она медлит – вы все настойчивее и настойчивее повторяете сигнал «лежать». В

конце концов, всякая хорошо обезволенная собака уляжется.

И тогда давайте ей награду.

После нескольких таких уроков ваш молодой «ученик» вполне уяснит себе, что от него требуется, и не будет бросаться вперед, а остановится в ожидании следующего вашего сигнала, после которого его ждет вкусопоощрение или ласка.

А вот как живописует Н. И. Яблонский (а с ним заодно и громадное большинство авторов-охотников) момент натаски, когда собака рвется схватить подстреленную дичь:

«Кинувшись за дупелем, ваш ученик, прежде всего, получит сильный толчок от сворки, прикрепленной к приколу, которая и держит его на месте. Если он не ляжет сейчас же, то, не стесняясь, стегните его побольнее плетью и все-таки уложите его... Затем попробуйте подвести его к следующему дупелю, и если с ним повторится та же история, то вам нечего стесняться более: вы опять наградите его сильным ударом плети и уложите на месте. Замените сейчас же обыкновенный ошейник парфорсом и ведите собаку дальше. Ваш горячий ученик прихватил нового дупеля, энергично и страстно подвел к нему и замер на стойке. Сейчас же закрепите сворку приколом, и с плетью в руке подойдите к вашему ученику. Дайте ему постоять подольше, а затем пошлите его вперед. Дупель поднялся, и ваш питомец кинулся, было, следом за ним, но он смутился сразу: он получит сильный укол парфорса, а в то же время удар плети и ваше громкое приказание «лежать!»»

Заканчивает автор лирическим заключением:

«Я особенно люблю и предпочитаю таких горячих собак. Возни с ними больше, это верно. Но зато она всегда страстней, энергичней, а значит и красивей будет работать».

Здесь уже на сцену, как видите, выстегает элемент эстетики. Но я не думаю, чтобы сама охотничья собака считала красивым поведение хозяина, который только за то, что она им же плохо выдрессирована, награждает ее одновременно мучительными уколами железных когтей в шею, сильным («обязательно сильным!») ударом плети по спине и «грозным» окриком. Не думаю, чтобы собаке сильно захотелось после всей этой пытки отправляться в следующий раз на охоту.

Впрочем, чего не сделаешь под угрозой плети!

«Если зайца долго бить, он может научиться играть на барабане», – писал когда-то А. П. Чехов. Писал он это со свойственной ему горькой иронией, смахивающей на издевку.

А вот здесь мы видим, как люди без всякой иронии, а самым серьезным образом учат тому, как с помощью ряда истязаний можно научить собаку производить несложные в сущности действия, которых можно добиться, пользуясь моим методом дрессировки, несравненно скорее, с несравненно большей пользой и длительными результатами и не тормозя природного инстинкта животного.

Разумеется, охота по живой дичи разнится от работы (инсценировки) с убитой птицей. Но будьте уверены в том, что хорошо многократным повторением закрепленные во время предварительных уроков условные рефлексы при достаточном обезволении собаки заставят ее и в поле, на охоте беспрекословно исполнять все ваши приказания, ибо вы закрепили у собаки нужные вам действия психологически, эмоционально, а не с помощью механического, болевого, тормозящего воздействия.

Это нужно усвоить себе раз навсегда.

Многие охотники жалуются на то, что молодые собаки, вышедшие первый раз на поиск, не обращают никакого внимания на дичь, а гоняются за воробьями, за бабочками, за стрекозами. Одни пытаются объяснить это отсутствием у собаки чутья, другие – тем, что собаке будто бы «еще не пришло время».

И то и другое абсолютно неправильно.

Здесь причина заключается в том, что охотник-дрессировщик не сумел сосредоточить внимание молодой собаки ни определенном предмете, и она, движимая естественным инстинктом преследования всего убегающего или улетающего носятся за воробьями, которые для нее совершенно равноценны дупелям или куропаткам.

А вот если вы дома еще познакомите ее с специфическим запахом и видом куропатки и

отыскивание ее по запаху свяжете с вкусопоощрением и определенными сигналами (т. е. установите все тот же условный рефлекс на поиск именно куропатки), то будьте уверены, что она и в поле сумеет из тысячи запахов и сотни двигающихся от нее предметов выделить и причуять запах куропатки и сосредоточить на нем все свое внимание.

Таким образом «время» для нее «придет» не тогда, когда на это будет соизволение каких-то таинственных сил, а когда этого захочет человек, который научился не только побеждать, но и изменять природу.

Весьма ответственный момент на охоте это когда собака уже причуяла осторожную, строгую дичь, точно разобралась в запахе и повела прямо по направлению к ней.

Часто бывает так, что плохо дрессированная, недостаточно обезволенная или чересчур горячая собака бросается вперед к дичи без всякой осторожности и испугивает ее прежде, чем охотник может выстрелить.

Вот тут-то и нужно научить собаку делать так называемую «дотяжку», то есть идти медленно, осторожно, с остановками так, чтобы не испугать дичь и дать возможность охотнику подойти к ней на возможно близкое расстояние.

Обычно и тут пользуются своркой и парфорсом, с помощью боли насильственно заставляя собаку сдерживать свое движение вперед. Не буду повторять своих рассуждений о том, что вся эта система насилия ничего кроме вреда, не приносит и сильно затрудняет дрессировку.

Я и здесь рекомендую пользоваться моим методом установления эмоциональных рефлексов. Причем путь дрессировки должен быть такой.

С помощью шумового сигнала (свистка Гальтона), который в высшей степени удобен при охоте на строгую дичь, и с помощью связанного со звуковым раздражителем сигналом вкусопоощрения вы устанавливаете у собаки условные рефлексы на движение вперед с перерывами. По одному сигналу она сделала несколько шагов вперед. Дан другой сигнал – она остановилась. Дан опять первый сигнал – она снова пошла, и т. д., вплоть до момента стойки, сгона дичи с места или лежке при выстреле.

Когда все эти условные рефлексы прочно закреплены, можно уже начать работу с дичью (связанной или убитой), положенной где-нибудь в укромном месте в поле или в лесу.

Здесь вы проделываете то же самое, проверяя собаку в работе на причуянном ею запахе дичи. В нужные для вас моменты, для закрепления рефлексов, не забывайте давать ей вкусопоощрение как только проявился какой-либо заранее установленный рефлекс.

Выйдя с такой собакой на настоящую охоту, вы уже почти можете быть уверенными в том, что она в нужный момент послушается вашего сигнала и сделает потяжку с остановками в те моменты, когда вы ей это прикажете сигналом.

Если она все-таки не выдержит и бросится опроретью вперед, значит, предыдущая работа была проведена недостаточно, значит, собака не в должной степени обезволена вами, и вы не сумели добиться того, чтобы она точно выполняла все установленные заранее нужные вам рефлексы.

Продолжительность стойки, требуемая обстоятельствами охоты, и движение собаки вперед для того, чтобы испугнуть дичь и заставить ее взлететь, и падение собаки на землю при вылете дичи и при выстреле, и анонс, то есть сообщение охотнику о том, что дичь найдена, и добывание убитой дичи из воды, – одним словом все, что промысловый охотник может требовать от собаки, как от своего помощника, может быть с помощью ряда упражнений воспитано у нее не путем насилия, а исключительно путем установления эмоциональных рефлексов, покоящихся на вызывании у собаки чувства удовольствия лаской или вкусопоощрением.

Сосредоточенность, дополненная прочным контактом с собакой, является чрезвычайно важным условием не только во время дрессировки, а также во время самой охоты, в поле или в лесу.

Умение сочетать быстроту ориентировки в данной местности, способность быстро замечать признаки дичи или зверя, умение мгновенно приготовиться к выстрелу, соединенные с поддержанием постоянного контакта с собакой, – вот, по-моему, основные достоинства хорошего охотника-промысловика

И поэтому я никак не могу согласиться с оценкой поведения охотника в поле такого крупного авторитета, как Я. И. Яблонский, который в своей книге «Воспитание, дрессировка и натаска легавой» пишет:

«Трудно делать два дела зараз. А не приходится ли вам делать это, раз вы натаскиваете собаку и стреляете из-под нее в то же время. Прежде всего, я – не заведенная машина, а такой же страстный и увлекающийся человек, как и всякий другой истый охотник; для меня так же дорог звук выстрела дупеля, дорог выстрел по нему, что и я невольно могу увлечься и весь упоенный охотой могу забыть, упустить из виду работу моей молодой собаки».

Оставляя в стороне романтический стиль автора, я должен сказать, что и со старой, натасканной собакой, если вы «в упоении охотой» перестанете совершенно думать о ней, вряд ли можно дожидаться хороших результатов. Это раз.

Во-вторых, что может помешать натаске молодой собаки с ружьем. Звук выстрела? Но я ручаюсь, что выдрессированная по моему методу установления эмоциональных рефлексов собака в течение нескольких приемов не только привыкает к выстрелам, но даже начнет относиться к ним доброжелательно в том смысле, в каком вам это потребуется.

Одна из самых пугливых птиц – пустельга, спустя несколько дней дрессировки не только оставалась у меня спокойной при выстреле, но даже я сумел с помощью вкусоощрения приучить ее лететь на выстрел и садиться после него на самый ствол ружья, еще дымящийся и теплый, где она и получала награду. Для того, чтобы окончательно приучить пустельгу к ружью, я заставлял ее целыми сутками сидеть на стволе, просунутом в клетку, и в этом же положении кормил ее.

Тот же самый закон я применил к песцам, добившись того, что эти осторожные, вздрагивающие при каждом шорохе животные совершенно спокойно относились к самым громким выстрелам.

Что касается собаки, то нет ничего легче, как приучить самую трусливую собаку к выстрелам.

У меня был такой случай. Один мой знакомый, ответственный работник Военной академии РККА, опытный охотник т. С., приобрел за довольно солидную сумму привезенную из-за границы континентальную легавую Ярда.

Однако, когда Ярда взяли первый раз на охоту, то обнаружилось, что эта собака очень ценных охотничьих достоинств не только боится выстрела, но даже в панике убегает при одном виде ружья.

Специалисты из местного Охотсоюза единогласно признали Ярда совершенно непригодным для охоты и по словам т. С., заявили, что исправить собаку невозможно.

Ярда привезли ко мне. Я согласился в виде опыта заняться его исправлением, надеясь тем или иным способом затормозить у собаки искусственно вызванный «рефлекс трусости», рефлекс бегства от ружья.

И действительно, в течение нескольких месяцев мне удалось добиться вполне удовлетворительных результатов.

Для этого я также использовал свой метод установления эмоциональных рефлексов.

Начал я с того, что путем постоянного общения с Ярдом, в достаточной степени обезволив его, приучил его исполнять ряд моих приказаний, привел его в состояние полного покоя и, между прочим, внимательно осмотрев его, заметил темные пятнышки на морде.

Это были следы от дробинки.

Очевидно, Ярду был сделан выстрел прямо в морду, и вид ружья ассоциировался в его психике со звуком выстрела и болью от полученных ранений.

После этого я стал заниматься с Ярдом. Производя громкие выстрелы из ружья недалеко от собаки, я тотчас же давал ей лакомое вкусоощрение и подбодрял лаской.

Скоро у Ярда установился новый условный рефлекс на звук выстрела, который уже ассоциировался не с болью, а с приятными вкусовыми ощущениями.

Ярд, наконец, совсем привык к виду ружья, перестал вздрагивать при выстрелах и начал спокойно выслушивать их даже без вкусоощрения.

Так в результате настойчивого повторения одного и того же приема я затормозил у собаки рефлекс боязни выстрела и вида ружья, и «Ярд» сделался вполне пригодным для охоты.

В ноябре 1929 г. я демонстрировал его в Ярославле при секции служебного собаководства Окросоавиахима, где он в присутствия собравшихся не только спокойно выслушивал выстрелы, но даже сам стрелял из небольшой пушки.

Что же, в сущности, произошло с Ярдом?

Мне удалось моим методом, что называется, «сломать» установившийся рефлекс бегства при выстреле и превратить последний в сигнал, непосредственно связанный с ощущением удовольствия, с приятной эмоцией.

Однако на этом не кончились переживания Ярда.

После того, как я его снова превратил в хорошую охотничью собаку, один из моих служащих, уволенный много за кражу рыбы, желая мне отомстить, произвел выстрел в Ярда, снова причинив ему сильную боль.

После этого я вторично, в течение двух месяцев «ломал» у «Ярда» рефлекс бегства и вторично добился хороших результатов.

В таком же роде я впоследствии произвел опыт с одной дворняжкой, не ходящей на поводке, трусливо поджимавшей хвост и в ужасе убегающей при выстреле. Мне удалось заставить ее вполне освоиться со звуками выстрелов в течение 17 дней. И это еще раз убедило меня в том, что у чистокровных собак установление условных рефлексов проходит гораздо медленнее.

Итак, нет никакой нужды остерегаться выводить на натаску молодую собаку, если вы с ружьем, раз вы ее предварительно как следует по указанному мною способу, приучили и к ружью, и к выстрелам.

Но существует еще одно возражение против натаски молодой собаки с ружьем. Охотники указывают на то, что такая собака всегда стремится обнюхать, рассмотреть поближе убитую дичь, а это ее отвлекает от прямых обязанностей и мешает охоте.

И здесь я должен заявить, что только механически выдрессированная основным правилам послушания молодая собака будет бросаться к убитой дичи.

С помощью же установленного эмоционального рефлекса можно у самого молодого пса в очень короткий срок вызвать полное спокойствие при виде упавшей после выстрела на землю дичи.

О том, как этого можно добиться, я говорил выше, описывая метод приучения собаки к потяжке, стойке и лежке. Многократное отвлечение дрессируемого животного лаской, сигналами и вкусоощрением от упавшей на землю дичи всегда даст требуемые результаты.

Переходя к вопросу о методах наганивания гончих, мне придется, в сущности, повторять все свои прежние замечания, касавшиеся натаскивания легавой.

Конечно, характер охоты на «красного» зверя имеет свои, совершенно своеобразные, стороны. Но и тут, в общем, все сводится к полазу-поиску и доведению собаки после того, как она причуяла зверя.

Следует отметить, что искусство наганивать гончих совершенно не разработано. И в этом признается такой видный автор, как Н. Челищев, который в своей брошюре «Как самому наганивать гончих» пишет:

«Подготовка и наганивание гончих собак до сей поры шли и идут путем поговорки «всяк молодец на свой образец»; на моих глазах много способных и дельных гончих испорчено неумелой нагонкой. Поэтому, приняв на себя труд изложить приемы нагонки гончих, я думаю тем самым заложить первый камень в то здание, которое будут строить охотники-гончатники после меня».

Посмотрим, каков же этот «первый камень», полагаемый П. Челищевым в основу системы наганивания гончих? Прежде всего, он повторяет все обычные приемы болевого, механического воздействия на собаку, и дальше этого не идет.

Даже щенков он рекомендует отгонять от корма нахвостником арапника. Отваживать от прыганья на домашнюю скотину или приучать собаку к «вежливости», по его мнению, следует, «вытягивая ее хорошенько арапником». На выжлятников он возлагает обязанность бить собак, чтобы те «боялись их пуще огня».

Я не буду повторять своих возражений против такой системы воспитания. В своем месте я подробно говорю об этом (глава «Бить или не бить»).

Далее основоположник наганивания гончих говорит:

«Случаются среди гончих такие, которые никогда не отдают голосов.

Они называются «молчунами» и как несоответствующие своему назначению, конечно, должны быть уничтожаемы».

«Уничтожать» собаку только за то, что дрессировщик не сумел научить ее лаять во время преследования зверя, конечно, совершенно несправедливо.

С помощью установления условного рефлекса можно заставить лаять самого упорного «молчуна», ассоциировав в его технике лай с приятной эмоцией и соответствующим сигналом.

Заставить после того собаку лаять по убегающему зверю – это уже дело дальнейшей техники.

Выпуская, допустим, подсаженного зайца, можно тотчас давать «молчуну» сигналы, вызывающие лай, и он будет исправно лаять, сперва ожидая за это обычного вкусоощрения, а затем и без него, в порядке закрепившегося условного рефлекса.

К числу качеств гончих, которые «могут развиваться у собаки самостоятельно, без влияния на них усилий человека», Н. Челищев относит: чутье, добычливость, голос, злобу, паратость и нестомчивость.

По доводу этих качеств автор даже не хочет ничего говорить, полагая, что «развитие их мало зависит от охотника».

По моему мнению, это неправильно.

Чутье у собаки можно развить путем постоянного упражнения. Именно чутье на данного зверя.

О «голосе» я только что говорил. Развитие его также во власти человека.

Злоба действительно до большей части – качество прирожденное. Но вместе с тем мне с помощью моего метода удалось однажды флегматичного добродушного нью-фаундленда превратить в зверя, пышущего злобой при одном звуке взводимого курка. Таково было желание хозяина этой собаки. Для этого я звук взводимого курка ассоциировал в сознании собаки с неожиданным падением на нее из-за открывающейся двери чучела человека. И движение собаки вперед, и ее злобный лай закреплял как рефлекс вкусоощрением.

Нестомчивость – физическое качество, но оно также в известной доле зависит от воспитания собаки, от ее упражнений, от того, как ее держат и как кормят, и т. д.

А вот как Н. Челищев рекомендует поступать с «упрямой» собакой, которая не хочет уходить из острова, хотя в нем уже нет никакого зверя.

«Таких собак, – говорит автор, – обыкновенно учат двое. Один становится на опушке острова, и зовет в рог, а другой старается подловить собаку в острове и проучить ее арапником. «Впрочем, – признается Н. Челищев, – такое учение хотя и исправляет упрямую собаку, но не всегда, так как упрямство – весьма упорный порок в собаке».

Здесь несправедливость утверждения Н. Челищева в том, что он ошибочно допускает существование «упрямых» собак и также ошибочно не допускает существования неумных дрессировщиков.

А я утверждаю, что если собака не уходит из острова, не идет на зов хозяина, значит с ней занимался совершенно неопытный дрессировщик, не сумевший привить ей даже элементарных правил послушания.

По этому поводу мне хочется привести пример из области охоты с легавыми, который очень хорошо рисует беспомощность, даже очень опытных охотников, объясняемую полным незнанием методов научной дрессировки.

Года два назад я получаю от известного охотника В. Чернопятова письмо такого содержания:

«Владимир Леонидович! Спешу обратиться к вам за советом как к крупному знатоку психологии животных. Дело идет о моей суке Веде (сеттер-лаверак), являющейся, по моему мнению, лучшей из охотничьих пород как по быстроте хода, так и по окрасу, легко заметно во время хода. Она, как вы знаете, хорошо натаскана и отлично подавала раненую и убитую дичь из воды.

После первого наказания, обусловленного нежеланием в холодный ноябрьский день пойти в воду за убитой уткой, она в течение пяти лет совершенно не подавала из воды на сушу битой дичи и только подавала подранков. Ни ласка, ни битые на нее никакого действия не оказывали. На одной из последних охот я непроизвольно вынул из кармана помидор и бросил его по направлению лежавшей на воде утки, которую она перед этим мяла, но не подала. При слове «аппорт» собака моментально прыгнула в воду и подала утку. После этого случая она стала подавать и убитую дичь.

Не находя объяснения изменившемуся поведению собаки и интересуясь психологической стороной этого явления, я очень хотел бы знать ваше мнение по поводу этой перемены.

Между прочим, в одном из старых немецких изданий по натаске собак, попавшем случайно в мои руки, рекомендуется за непослушание в некоторых случаях наказание выстрелом (определенным номером дроби) с определенного расстояния... Как вы на это смотрите?»

Разберемся в этом случае с сеттером Ведой.

Здесь произошло последовательное соотношение процессов возбуждения и торможения условных рефлексов. Когда Веда исправно бросалась в воду за убитой дичью, это был установленный условный рефлекс на аппортировку.

Все поведение «Веды» я рассматриваю как цепь установленных рефлексов, причем делю ее на четыре главных момента.

Первый – аппортировка, обучение которой, несомненно, производилось с помощью неодушевленных, неподвижных предметов (палка и пр.). Второй момент – аппортировка движущихся предметов, в данном случае подраненной, трепещущей дичи.

Однажды Веда задержалась прыгнуть в воду. Тогда хозяин, вместо того, чтобы восстановить временно погасший рефлекс с помощью приятной эмоции (лаской, вкусоощрением), побил собаку. Удар плети прервал цепь рефлексов и затормозил аппортировку неодушевленного, неподвижного предмета (убитой утки). Собака перестала подавать из воды и на суше неподвижные предметы (убитую дичь). Если она и бросалась в воду, то все-таки не знала, что ей делать с убитой уткой и только мяла ее в зубах, движимая врожденным инстинктом.

Когда охотник однажды случайно бросил в воду помидор (мертвый, неподвижный предмет), то этим самым он вновь восстановил прежний возбудитель: тотчас вспыхнул, воскрес в сознании собаки первоначальный рефлекс, и она прыгнула в воду и подала утку.

Между прочим, подранков Веда продолжала все время подавать, так как у нее не был заторможен наказанием рефлекс на аппортировку движущихся предметов (трепещущая дичь).

Возвращаюсь к наганиванию гончих.

Зная весь вышеописанный механизм высшей нервной деятельности у собаки, Н. Челищев не стал бы рекомендовать с помощью ударов арапником приучать собаку идти на зов хозяина и не стал бы также говорить об упрямстве, как о «весьма упорном пороке в собаке».

Упорным пороком мне хочется назвать ту систему механической дрессировки, которая практикуется до сих пор и которая, как мы видим, иногда принимает совершенно дикие формы, вроде немецкого рецепта стрелять в «непослушную» собаку дробью, да еще определенного номера.

Бывает так, что иногда человеческое невежество никакими пушками не прошибешь...

Ведите дневник дрессировки

Ежедневные подробные записи наблюдений над собакой имеют огромное значение в деле ее дрессировки. Только внимательное и кропотливое наблюдение над повадками и поведением животного может дать вам многообразный материал для изучения его физической и психической жизни. Если же, кроме пассивного наблюдения, мы прибавим к этому также и постановку некоторых опытов с собакой, занимаясь ее дрессировкой, которая, в сущности, является тем же зоопсихологическим опытом, то значение такого дневника еще более возрастет, так как он окажет вам неоценимую помощь в дрессировке.

Занимаясь дрессировкой по моему методу вкусопоощрения и установления эмоциональных рефлексов, методу, по-видимому, совершенно не известному огромной массе охотников, мы можем достичь в нужном нам направлении всех необходимых результатов.

Мои методы дрессировки дают возможность увидеть самое интересное и зачастую совершенно непонятное для нас, людей, а именно – проявление творческой инициативы у животного, которое не запугано ни хлыстом, ни палкой, ни даже простым окриком.

В такой дневник, в который изо дня в день, записываются все значительные факты, а также и каждая мелочь из жизни собаки, записывается не только то, что в настоящий момент интересует хозяина собаки, но и буквально все, что произошло с собакой в этот день. Такой дневник впоследствии явится хорошим руководством для начинающего дрессировщика, причем не надо делать разницы между полевыми занятиями и занятиями дома, – все должно служить одной цели: установить у собаки рефлексы, необходимые для охоты. По этому дневнику можно судить об ошибках, неудачах и достижениях, о методах и подходах к животному и, наконец, о результатах, которые достигаются долгим и упорным трудом.

Прочитывая впоследствии свой дневник, вы увидите, как постепенно, шаг за шагом, учились вы понимать каждое движение своей собаки, ее повадки и характер, ее недостатки и достоинства, а поняв ее, постепенно узнавали, как нужно с ней обращаться, воспитывать охотничьи качества и дрессировать ее, не запугивая и не вызывая у нее чувства озлобления и страха.

Постепенно вы увидите, с какой охотой и интересом исполняет собака свою работу, зная, что за каждое нужное вам движение она получит ласку и лакомый кусок, а в случае неудачи не получит побоев, но зато и не получит лакомства.

Объективно это можно характеризовать так: животное при известном действии или движении получает вкусовое удовлетворение и избегает тех движений, которые этого удовлетворения не дают.

Делая записи в дневнике, следует отмечать все особенности обстановки, в которой

прошел тот или иной день: погоду, присутствие посторонних людей и животных, всякие отвлекающие шумы, запахи, предметы, состояние здоровья собаки, количество и качество пищи и т. д.

Понимает ли собака человеческую речь

Несколько лет назад вышла в свет книга профессора Сеницына – «Этюды по теории биологического детерминизма (Вечные цепи)», в которой автор, касаясь вопроса о дрессировке животных, пишет:

«Путем остроумных комбинаций можно заставить животное производить очень замысловатые движения и связать их с каким-нибудь определенным раздражением органов чувств («условный рефлекс» Павлова). Тогда мы получим явления, в высшей степени напоминающие сознательные человеческие поступки. Этим и пользуются дрессировщики животных для своих фокусов, показывая публике собак и лошадей, как будто понимающих человеческую речь, по их приказаниям танцующих и извлекающих кубический корень из пятизначного числа. Автору приходилось не один раз наблюдать, как известный клоун Владимир Дуров у себя дома подготавливал такие фокусы. В основе его метода, разработанного многолетней практикой, лежало теоретическое допущение, что животные, обученные и обучаемые, ничего не понимают из того, что делают» (Курсив мой. – В. Д.).

Остановлюсь на этой цитате.

Совершенно ясно, что проф. Сеницын не допускает существования у животных сознания сознательных поступков. Небольшого труда стоит опровергнуть это положение. На этом вопросе я подробно останавливался в главе «Собака – не машина». Целый ряд ученых-экспериментаторов в результате своих многочисленных опытов доказывают, что сознание у животных существует.

Фридрих Энгельс решительно признает наличие сознания у животных. Он пишет:

«Нам общи с животными все виды рассудочной деятельности: индукция, дедукция, следовательно, также абстракция (родовое понятие четвероногих и двуногих), анализ неизвестных предметов (уже разбивание ореха есть начало анализа), синтез (в случае проделок животных) и в качестве соединения обоих экспериментов (в случае новых препятствий и при незнакомых положениях). По типу все эти методы, т. е. все известные обычной логике средства научного исследования вполне одинаковы у человека и у высших животных. Только по степени развития соответственного метода они различны. Основные черты метода одинаковы у человека и у животных и приводят к одинаковым результатам, поскольку оба оперируют или довольствуются только этими элементарными методами. Наоборот, диалектическая мысль – именно потому, что она предполагает исследование природы самих понятий – свойственна только человеку, да и последнему лишь на сравнительно высокой ступе и развития.

Очень важно выяснить также вопрос, который должен интересовать каждого занимающегося дрессировкой, – понимают ли животные, и в том числе собака, человеческую речь?

Я не буду говорить об антропоидах или о морских львах с их сильно развитым мозгом, а остановлюсь на животных, ниже стоящих в биологической лестнице, – на слоне, лошади и главным образом на собаке.

Откинув на время дрессировки всякое насилие и волевое воздействие на животное, мы увидим, как все теснее и теснее будет устанавливаться связи у человека с собакой.

Собака, не умеющая, скажу грубо, говорить на человеческом языке, но усиленно желающая понять человеческую речь, следит за каждым движением человека, за всеми его телодвижениями, тонко различает каждую интонацию, каждый оттенок в голосе.

Это мы, культурные, в совершенстве владеющие даром речи и письма, обладающие огромным лексиконом люди, потеряли способность или, вернее, необходимость пользоваться при обмене мыслями жестикующей и мимикой, тщательно изучать их.

Но присмотритесь, скажем, к языку глухонемых, сплошь построенному на необычайно богато разработанной мимике и жестикующей, и вы поймете поведение собаки, которая, пытаясь понять ваше настроение и ваши слова, чутко ловит каждый ваш жест.

Зачаточный «язык» самой собаки при внешнем наблюдении весьма не сложен. Я намекаю в общих чертах такого рода словарь «собачьего языка»:

1) Собака отрывисто лает один раз, приподняв одно ухо и глядя на человека: «Ам!» Это означает вопрос, недоумение;

2) поднятая кверху морда, протяжное горловое: «Ау-у-уу!» – тоска;

3) несколько раз повторенное нытье: «Мм-мм-мм!» – просьба;

4) рычание с оскаливанием зубов: «Ррррр!» – угроза;

5) рычание с лаем: «Рррр-ам!» – вызов на бой;

6) виляние хвостом – радость;

7) оскаливание зубов – смех;

8) переступание с ноги на ногу означает нетерпение;

9) книзу опущенные голова и хвост – горе, виноватость;

10) тяжелый вздох – мысленное переживание неприятного;

11) зевота с визгом – тоска;

12) поднятая кверху голова и задранный хвост – кокетство, заигрывание.

Конечно, это – только основные элементы «собачьего языка». Тут тоже при желании и внимательном наблюдении можно различать большое количество оттенков, причем должен сказать, что особенной выразительности достигает у собаки движение ее спины, позвонка с его естественным продолжением – хвостом.

Будем ли мы отрицать ту мысль, что собаки пользуются всем этим «лексиконом» для взаимного понимания и в несравненно большей степени, чем мы даже подозреваем? Конечно, нет.

Свои методы «разговора» собака переносит и на общение с человеком, на понимание его речи.

В мозгу собаки остаются, закрепляются отдельные слова-звуки, которые она особенно часто слышит. Эти слова каждый раз ассоциируются в ее мозгу с каким-то действием человека или с видом, вкусом и запахом какого-нибудь предмета.

В результате отдельные слова человека твердо воспринимаются собакой, сопряженные с каким-нибудь явлением.

Вы хотите идти гулять и только протянули руку к шляпе или подошли к вешалке или даже только посмотрели на свои калоши, как уже собака уловила ваше желание и моментально бросается к двери.

Вами произнесено слово: «Гулять!» и собака ваша вскакивает, радостно прыгает и с лаем стремится вас сопровождать.

Мои дрессированные собаки, и в особенности Рыжка (нечистокровная «колли»), вполне убеждают меня в том, что они отчетливо понимают некоторые мои слова, связывая с ними

свои действия.

Сидя за столом, я разговариваю с моими сотрудниками и, совершенно не меняя тона и не делая никаких движений, говорю: Рыжка, затвори дверь!».

Рыжка, если она не спит и прислушивается к разговору, моментально бежит и затворяет дверь.

Я тем же тоном и в такой же манере произношу: «Дай мне спички!». Рыжка начинает всюду искать спички и, найдя на подоконнике случайно положенный туда коробок, приносит его мне.

То же самое она проделает, если я попрошу у нее газету, ключ, деньги, упавшую со стола вилку или ножик.

Я совершенно не сомневаюсь в том, что моя собака понимает все эти слова («дверь», «ключ», «нож», «деньги» и т. п.) как таковые. При желании этот ее лексикон можно значительно развить, каждый раз ассоциируя слово звук с представлением о каком-нибудь определенном действии или предмете.

Итак, я утверждаю, что собаки могут понимать слова как таковые, не связанные ни с интонацией, ни с телодвижением. В доказательство этого я проделываю следующий опыт.

Среди помещения ставится на столике репродуктор, от которого идет провод в другую комнату, где стоит глухая камера.

Я помещаюсь в этой камере, запираюсь и оттуда в одном тоне даю собаке, сидящей перед репродуктором, целый ряд приказаний.

Собака слушает, что ей говорит репродуктор, и точно производит всевозможные движения: по слову «садись» – садится, потом ложится, подает газету, спички, чешется, лает указанное количество раз и т. д.

Ясно, что здесь совершенно исключена сигнализация собаке мимикой, жестикуляцией, интонировкой голоса. Собака понимает значение самих слов, воспроизведенных механическим способом.

Джон Леббок сообщает о своих интереснейших опытах с собакой Ван, которая научилась понимать связь между написанным на картоне словом и обозначаемым им предметом. Здесь уже мы видим ассоциацию второго порядка: предмет или действие сперва ассоциировалось со словом-звуком, а потом слово-звук связалось в мозгу собаки со словом-символом, написанным на картоне.

Если животное научилось понимать значение человеческого слова и связывать с ним свои действия, кому же придет в голову, занимаясь дрессировкой, делать «теоретическое допущение, что животные ничего не понимают из того, что делают», о чем говорит проф. Синицин, смешавший методы механического, болевого воздействия (когда животное насильственно вынуждается к какому-либо поступку: прыгает через барьер, желая избежать удара кнута) с единственно правильным методом дрессировки путем установления эмоциональных рефлексов.

Психология еды

(Читано на заседании ученого совета зоопсихологической лаборатории 15/ХІІ 1930 г., протокол № 358).

Каждый дрессировщик охотничьей собаки должен для полного изучения и понимания своего ученика выяснить для себя также все вопросы, связанные с природой и особенностями одного из самых важных жизненных процессов. Я говорю о еде.

Обычно воспитатели и дрессировщики собак уделяют этому вопросу самое ничтожное внимание. Ограничиваются тем, что держат собаку вполсыта, кормят ее чем попало, когда попало, и как попало, полагая, что качества собаки и успех дрессировки нисколько не зависят от этого.

Особенно это наблюдается у охотников-промысловиков глухих районов, где зачастую хорошо натасканную собаку предоставляют в отношении пищи самой себе. Дескать, смысленый пес всегда добудет себе пропитание.

Даже в теоретических книгах, где говорится о воспитании собак, авторы ограничиваются самыми общими и формальными указаниями насчет того, что щенкам до такого-то возраста хорошо давать такую-то пищу и из таких-то кормушек, что пища должна быть свежей и что для роста костяка полезно посыпать корм известью. В лучшем случае авторы (С. А. Бутурлин) добавляют несколько общих соображений по поводу витаминов и желез внутренней секреции.

Одним словом, все эти сведения и рецепты носят глубоко физиологический, то есть односторонний характер.

Я хочу сказать несколько слов о психологии еды, полагая, что эта сторона дела играет в воспитании и в дрессировке собаки не менее важное значение, чем работа желудка и кишечника.

Я уже много раз говорил о том, что вкусоощрение, то есть раздражение психики животного с помощью еды, является самым сильным раздражителем на установление эмоциональных рефлексов и играет первенствующую роль в научной дрессировке собак.

«Условный рефлекс, – пишет профессор З. И. Чучмарев, – как он обычно вырабатывается у собаки, определяется ее эмоциональными состояниями (голода), являющимися, конечно, психическими состояниями: этими же состояниями определяется напряжение установки (внимания) и ее колебания в продолжение опытов».

Перемена еды, само прохождение процесса кормления, количество и качество пищи, время и периодичность кормежки, – все это играет колоссальную роль при дрессировке, и от того – как, когда и чем вы кормите собаку – в очень значительной мере зависят все ваши успехи как дрессировщика.

Опыты говорят о том, что вкусная, разнообразная еда, полученная своевременно, способствует более обильному выделению слюны, чем еда невкусная, обыденная, приевшаяся, предложенная несвоевременно.

Вместе с этим мы должны помнить, что чем обильнее у собаки выделяется слюна, тем охотнее животное стремится получить вкусоощущение, особенно, если собака незадолго до занятий напилась воды.

Из опытов академика Павлова мы знаем, что собака при виде сухой пищи выделяет (условный рефлекс) больше слюны, чем при виде жидкой. В этом случае психический процесс чрезвычайно ярко и показательно соединяется с физиологическим процессом.

Другие опыты академика Павлова, показали, что от психического состояния собаки зависит не только работа слюнных желез, а что и отделение желудочного сока не наступает, если у собаки нет аппетита, если пища не вызывает приятных ощущений. Это говорит о том, что и выделение желудочного сока связано с психикой.

Обильное слюноотделение при виде или запахе приятной пищи как условный рефлекс имеет очень важное значение при еде, так как животное может ощущать вкус пищи только тогда, когда она растворяется в слюне и таким образом приводится в соприкосновение с вкусовыми органами.

У собак, пугающихся необычайной для них обстановки, деятельность желудочных желез, выделяющих желудочный сок, необходимый для пищеварения, может вовсе прекратиться (опыты Леконта).

Академик Павлов производил опыт с голодной собакой, которой показывали кошку, и она приходила в ярость. После этого у нее при виде пищи почти не наблюдалось отделения желудочного сока.

Профессор Нечаев доказал, что возбуждение чувствительных волокон седалищного нерва у собаки, длящееся 2–3 минуты, на несколько часов задерживало отделение желудочного сока.

Опыты других ученых (Экслер) говорят также и о том, что психическое (эмоциональное) возбуждение может затормозить деятельность не только слюнных и желудочных желез, но также и работу железы, выделяющей желчь печени, т. е. может приостановить все процессы, которые необходимы для того, чтобы пища в организме претерпела все необходимые для ее усвоения изменения.

Рядом с этим приятные ощущения, доставляемые вкусом и запахом пищи, заставляют нормально сокращаться желудочно-кишечный канал, по которому проходит пища, а ничтожные следы страха или ярости у собак сопровождаются полным прекращением сокращений желудка (В. Кеннон).

Ломмель нашел, что у молодых собак сокращения желудка могут прекращаться на несколько часов, если они попадают в непривычную обстановку.

В. Кеннон добавляет: «Подобно движениям желудка – перистальтика и ритмическая сегментация тонких кишек, а также антиперистальтика толстых кишек прекращаются вовсе, как только животное приходит в возбужденное состояние».

«Эмоциональные состояния, – заключает В. Кеннон, – или «ощущения» могут сопровождаться противоположными друг другу влияниями на пищеварительный канал: одни в высшей степени способствуют перевариванию пищи, другие в такой же мере тормозят его».

Конечно, здесь речь идет о приятных или неприятных эмоциях. Нормальное усвоение пищи, таким образом, находится в прямой зависимости от того психического состояния, в котором находится животное.

А так как мы всю научную дрессировку собаки строим не на болевых, неприятных ощущениях, а на установлении условных рефлексов с помощью приятных эмоций (ласка, вкусоощущение), то и ясно, что такого рода дрессировка, помимо всех своих других положительных сторон, способствует также и установлению через приятные эмоции нормального пищеварительного процесса. А это, в свою очередь, в огромной степени помогает всей предварительной работе дрессировщика в отношении домостикации, обезволивания, установле-

ния контакта с животным, вызова на сосредоточенность во время работы и т. д.

А. И. Крестовников, производивший опыты с собаками, говорит, что выработка условных рефлексов возможна только при том условии, если раздражение сигналом происходит раньше раздражения пищей, то есть, что для установления внимания у собаки необходимо, чтобы оно не было погашено кормлением. Внимание собаки направляется эмоцией «аппетита» (психическим состоянием), и если этот аппетит совершенно утолен едой, то это обстоятельство почти уничтожает установку на условный раздражитель (на сигнал).

У меня прикормкой, закрепляющей давно установившийся рефлекс у собаки, обычно является кусок вареного мяса. Но бывают случаи, когда это вкусоощрение, если собака достаточно поела, постепенно теряет силу как раздражитель на повторные акты дрессировки. Мне это резко бросалось в глаза, когда я наблюдал все изменения в поведении собаки. Она уже с меньшей охотой исполняла хорошо заученные, что называется, «зазубренные» приемы.

Но стоило мне переменить корм (заменив его, скажем, жареным мясом или хлебом), как собака с новой охотой и еще с большим рвением исполняла все задания.

Изменения в качестве (вкусе) прикормки всегда сказывались также и на скорости выполнения заданий и даже на качестве условного рефлекса.

Наблюдая такую перемену в поведении собаки, перемену, зависящую от качества прикормки, я отметил и то обстоятельство, что, помимо вкуса, запах корма также играет серьезную роль.

Должен отметить и еще одно чрезвычайно важное обстоятельство, с которым необходимо считаться каждому дрессировщику.

При особенно сильном выделении слюны у собаки иногда качество условного эмоционального рефлекса изменяется в худшую сторону. Приведу пример.

Моя собака должна была при ноте «фа-диез», взятой на рояле, почесаться. При первоначальном вкусоощрении она это выполнила спокойно, медленно, плавно, ничем не отвлекаясь. Но стоило мне переменить запах прикормки на более раздражающий, вызывающий более сильное выделение слюны (вместо вареного мяса я давал жареное на масле), как собака начинала спешить почесаться, начинала в торопливости недочесываться даже до половины, делая только самые первоначальные движения.

Ясно, что сильный, раздражающий запах затормозил привычное движение.

Я много раз проделывал с собаками и такого рода весьма показательный опыт.

Сперва я понемногу давал собаке мелко нарезанные в ее присутствии кусочки мяса. Если у нее было большое желание есть, она начинала торопиться получить следующий кусочек, выражала нетерпение, переставляла передние ноги, вытягивала шею и даже делала попытку вырвать мясо из моих рук, касаясь мордой пальцев (усиленный двигательный рефлекс).

Но стоило мне дать собаке сразу очень большой кусок мяса, и она уже не старалась вырвать его из рук, а наоборот, осторожно касалась его носом и, отодвинувшись, не спускала глаз с куска. Я подносил мясо ближе к ее морде – она нерешительно брала его в зубы и уходила с ним в другой конец комнаты, клала его на пол и, улегшись около него, начинала медленно и постепенно откусывать кусок за куском и так же медленно пережевывать и глотать.

В это время я подзывал собаку и начинал снова давать ей мясо из рук маленькими кусочками. И она снова начинала спешить выхватывать мясо и проглатывать, почти не жуя.

Этот опыт можно сравнить с состоянием человека, стоящего перед витриной гастрономического магазина, заваленной одними колбасами и сосисками. Подобное богатство вкусовой, но однообразной пищи не вызовет такого сильного слюноистечения у проголодавшегося человека, как, скажем, маленькая корзинка, с копчушками, поставленная среди этого колбасного изобилия.

Количество предлагаемой животному пищи также, как видите, играет большую роль в смысле вызывания требуемых для дрессировки эмоций и закрепления на их базе эмоциональных рефлексов.

Сделаем краткие выводы из всего сказанного.

Мы видим, что для того, чтобы успешно дрессировать собаку, надо научиться ее кормить. А для того, чтобы научиться, ее кормить, необходимо твердо усвоить методы дрессировки, основанные на установлении эмоциональных условных рефлексов, возникающих на фоне приятных ощущений в результате получения соответствующей и своевременно предложенной еды. Это первое.

Затем усвоим себе правило: не кормить собаку после того, как она испытала какое-нибудь сильное волнение или болевое ощущение.

Дрессируемая собака должна быть полусыта и отнюдь не голодна. Кстати, о голоде. С этим состоянием у собаки необходимо очень серьезно считаться каждому дрессировщику.

Не следует смешивать понятия о состоянии голода с понятием об аппетите, психофизиологическая природа которых совершенно различна.

Вот что пишет по этому поводу В. Кеннон, которого я уже цитировал выше:

«Голод и аппетит значительно различаются по своей физиологической природе, по локализации и по своим психическим элементам. Можно испытывать аппетит еще и тогда, когда голод уже утолен... С другой стороны, аппетит может отсутствовать в то время, когда голод дает себя чувствовать. Разве обжора разборчив в пище? Разве мы все не знаем, что «голод – лучший повар?» Хотя оба ощущения могут существовать отдельно, они исполняют одну и ту же функцию, побуждая к принятию пищи».

Б. М. Завадовский комментирует это положение таким образом:

«Голод есть комплекс безусловных рефлексов, корни которых лежат в глубоких физиологических изменениях организма. А аппетит в гораздо большей мере является чисто нервным процессом и обусловлен природою тех условных связей (рефлексов), которые выросли на почве вида, запаха и других раздражений, идущих от пищи в момент удовлетворения голода. Для пробуждения аппетита достаточно одних условных раздражителей, а голод вырастает лишь на почве физиологической ненасыщенности организма в целом».

Дрессировщик животного из всего сказанного выше может и должен сделать тот вывод, что в процессе обучения собаки голодное ее состояние может только решительно затормозить установление рефлексов. В этом случае собака будет находиться в состоянии беспокойной возбужденности и забудет обо всем на свете, кроме пищи, будет только стремиться скорее получить эту пищу.

Наоборот, собака просто желающая есть, собака полусытая более или менее спокойно реагирует на вид, вкус, запах, качество и количество пищи, и, устанавливая условный рефлекс «аппетита», произвольно видоизменяя род пищи (вкусоощерения), вы можете свободно и широко руководить ее психическим состоянием и с постоянным успехом вести работу по дрессировке.

Несколько заключительных слов

В своей книге я только намечаю основные приемы и методы нового рода дрессировки охотничьих собак, зная, что ими до сих пор никто никогда не пользовался.

Знаю я также и то, что мои предложения встретят до стороны одних равнодушные консерваторы; со стороны других – возражения не по существу, а в том смысле, что, дескать, «сотни лет охотились с собакой, дрессированной механическим способом, и, слава богу, неплохо охотились. А вот ваш способ, дедушка Дуров, надо еще проверить!»

Ну, что же, вот и хорошо, и проверяйте скорее. (Я-то его уже с успехом проверяю пятьдесят лет подряд). Я как раз этого и добивался, приступая к составлению настоящей книги. Еще в начале ее я сделал оговорку, что вовсе не собираюсь писать полного руководства к научной дрессировке собак по всем видам промысловой охоты. По части охоты как таковой быть может каждый из вас окажется опытнее меня.

Но что касается применения данных зоорефлексологии в дрессировке собак, что касается использования для этой цели метода установления эмоциональных рефлексов, моего, дуровского метода, не встретившего до сих пор никаких серьезных возражений и в ученом мире, то здесь я должен констатировать, что охотничья масса, начиная с руководящих работников и кончая промысловиком, с этим делом пока еще совершенно не знакома. И в то время, как военно-служебное собаководство уже усвоило эти научные методы и пользуется ими с большим успехом (не оставляя, впрочем, и некоторых механических, болевых приемов), союзы охотников продолжают спокойно смотреть, как всевозможные егеря и горенатаскиватели калечат психику собак.

Но прошу иметь в виду, что я никогда не надеялся на то, что мне одному удастся создать всю от начала до конца теорию научной дрессировки охотничьей собаки. Такая задача, конечно, мне не по плечу.

Я буду безгранично удовлетворен уже и тем, если мой метод будет подхвачен массой молодых, не зараженных ложной романтикой и эстетизмом охотников, и они, перенеся его в свою практику, докажут всю убогость сегодняшней системы воспитания и обучения собаки («кнут и пряник»).

Пусть они насытят мой метод жизненной практикой охоты и коллективно помогут созданию такой книги, которая научила бы новые кадры дрессировщиков с помощью собаки сделать промысловую охоту вдвое, втрое продуктивнее.